
Павел Марушкин
II
МУЗЫКА ДЖУНГЛЕЙ
КАЮКЕР
И
УХАЙДАКЕР
18+

Павел Марушкин

Каюкер и ухайдакер
II. Музыка джунглей

«Автор»
2026

Марушкин П. О.

Каюкер и ухайдакер II. Музыка джунглей / П. О. Марушкин — «Автор», 2026

Хотите невероятно, бессыдно, просто до неприличия (причем очень быстро) разбогатеть? Если да, собирайте команду таких же, как вы, бездельников-авантюристов и отправляйтесь в дикие джунгли, за пиратскими сокровищами! Там-то вы и поймёте, во что ввязались, только уже будет поздно!

© Марушкин П. О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1 10
Глава 2 17
Глава 3 27
Глава 4 35
Глава 5 43
Глава 6 53
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Павел Марушкин
Каюкер и ухайдакер II. Музыка джунглей

Название: Музыка джунглей
Автор: Павел Марушкин

Пролог

Метёт, метёт метель по каменно-твёрдой земле, полирует застывшую грязь, искрится ярко в прыгающем неживом свете элементалей. Холод пробирает до костей; мёртвая равнина пьёт жалкие остатки сил и тепла, сосёт, словно гигантская пиявка, кровь из-под драных бушлатов. Небо чёрное; ни звезды. Над Территорией всегда так: днём — низкие-низкие, кажется, рукой дотянешься, серые облака; ночью — беззвёздный мрак. На западе иногда бывает видно далекие огни, и небо в той стороне по ночам мерцает зеленовато-бездонно, будто кошачий глаз. Там город. Не знаю, как он называется; да и не всё ли равно? Согласно идеологии того странного, смешного и наивного места, где я жил когда-то (а жил ли?), этот город тоже Вавилон, «ибо каждый из городов — Вавилон». Не знаю, может быть, это действительно так. Я бы предпочел остаться в своём Вавилоне и никогда ничего не знать про этот. Впрочем, он столь же недостижим для меня сейчас. Я отворачиваюсь от бледного зарева и смотрю на восток. Там — абсолютный мрак; лишь тёмные кровавые огни светятся у далёкого горизонта. Эти недобрые звёзды горят над курганами древних Магов. Оттуда, где я стою, видны только две из них. Для тех, кто отправляется в курганы, назад уже нет возврата. Я ссутуливаюсь и пританцовываю на месте — пальцы ног не чувствуются, и это плохо. Колонна обречённых застыла у ворот Территории, терзаемая ледяным ветром и снежной крупой. Старожилы говорят, что нынешняя зима ещё мягкая. Не знаю, не знаю...

Мысли текут вяло, по накатанной колее, да и мыслями это назвать трудно — так, простейшие рефлексы. Согреться, поесть, лечь. Три кита, на которых держится здешний мир. Всё — других удовольствий в жизни не предвидится. Да и сил больше ни на что не хватит. Некоторым не хватает даже на то, чтобы поесть, они валятся на жёсткие нары и замирают. Это плохо. Тот, кто не взял свою пайку сам, ничего не получит — благородство здесь не в обычае. Потом они уходят — туда, в древние курганы. Это последнее место, куда можно попасть. Последнее не в смысле самое худшее, а в смысле действительно — последнее. Чего бояться мёртвым?

Жмуры не торопятся. Они никогда не торопятся, что им стужа и ветер? Вон, стоят как столбы, только тени мечутся по земле.

— Мафси Солавэ!

— Я!

— Рыма Зуний!

— Я!

— Цуйка Осияч!

— Я!

Перекличка. Пока не пересчитают всех, на Территорию отряд не попадёт. На Территорию... Однажды кто-то сказал «домой». В шутку сказал. Били его долго. Сначала саданули сапогом под коленки, свалили на снег — и стали пинать. Он так и не проронил ни звука — только закрывался руками, и воздух выходил из легких с уханьем, когда чей-нибудь сапог попадал под рёбра. Я думал, он прямо оттуда отправится в курганы. Но он выжил — и даже вышел на работу на следующий день. Он жил долго и ушёл совсем недавно — две или три недели назад. Как там его звали? Не помню.

— Пепелд Похипак!

— Я!

— Цулдас Ду Лову!

— Я!

— Бят Заекиров!

— Я!

— Сэлбасер Заекиров!

— Я!

Братья Заекировы. Кряжистые, квадратные, с рябыми невыразительными лицами. Вдвоём против всего мира. Когда Сэлбасеру повредило ногу сваленной сосной, Бят таскал его на себе. Всю неделю таскал — на работу и с работы. Почернел весь. Другие спорили — что будет раньше: умрёт он или бросит брата. Не случилось ни того ни другого: оба до сих пор живы. Удивительная всё-таки штука жизнь! Замечательная.

— Прохонзол Эжитюжи!

— Я!

— Псанг Сахахак!

— Я!

— Сэлбасер Дамаяди!

— Я!

Скоро и моя очередь. Выйти на шаг вперёд, выплюнуть хрипло короткое слово «я» и вернуться обратно в шеренгу. Всё очень просто. Сколько раз я уже проделывал это? Сто? Тысячу? Больше? Не знаю. Что-то случилось со временем; я больше не ощущаю его биения, того неосязаемого пульса, что гонит кровь по артериям мира. Сплошное «здесь-и-сейчас», растянувшееся в какую-то дурную бесконечность. Даже завтрашний день кажется чем-то далёким и нереальным.

— Иот Вавитэж!

— Я!

— Гэбваро Цытва-Олва!

— Я!

— Чолы Жыблит!

— Я!

Гэбваро Цытва-Олва. Высокий и тощий, как сосна с обрубленными ветками. Лицо обожжено холодом — на скулах и крыльях носа незаживающие язвы. Обморожение.

Он из какого-то кочевого племени и попал сюда недавно. Продержится недолго, я думаю. Слишком хрупкий. Здесь, как ни странно, дольше всего живут такие, как я — мелкие и жилистые. Или такие, как братья Заекировы. Слишком толстый или слишком худой — значит вскоре прогуляешься на восток. Такая вот местная шутка. «Прогуляться на восток». К курганам.

— Чамэ Тымпая!

— Я!

— Дзыха Птач!

— Я!

— Обречённый Дзыха Птач, шаг из строя!

Жмуры произносят слово «обречённый» как «обрЕченый» — с одним «н» и ударением на втором слоге. Такая у них манера. Мы же в разговоре друг с другом старательно выговариваем «обречённый». Если скажешь, как жмур, — побьют. Впрочем, как ни говори, суть-то у слов одна. Обречённые. Те, кого обрекли.

Дзыха Птач неловко переступает ногами. У него повреждено колено, и ходить ему трудно. Поэтому он иногда делает, как сейчас — отвечает, не выходя из строя. Это глупо — всё равно заставят, а колонна из-за него лишние мгновения простоит на ледяном ветру. За это при входе в барак он получит несколько ударов — в шею и по почкам. Без особой злобы, просто как напоминание. Дзыха Птач — рыхлый, похож на старого бульдога. Цвет лица у него сероватый, нездоровый. А у кого, интересно, он тут здоровый? — спрашиваю я себя.

— Цуклои Кекалдач!

Цуклои Кекалдач — это я. Часто встречающееся имя и самая распространённая фамилия. Так меня здесь назвали. Кто-то потом говорил мне, что им просто лень было выяснять, кто я такой на самом деле. А действительно, кто я вообще такой? Не помню... Имя — оно

вроде шляпы, учил меня один друг (тысячу лет назад и за миллион километров отсюда). Чью шляпу наденешь, за того тебя и будут принимать люди. Странно... Друг... Я отчётливо вижу его лицо: не по-здешнему чёрное, весело ухмыляющееся. Он — каюкер; это такая работа: устраивать каюк всяким несимпатичным личностям. Его зовут... Зовут... Беда с этими именами... А может, я просто выдумал его? Ответа нет...

Делаю шаг вперёд — короткий шажок, экономный. Тот, кто не умеет экономить и рассчитывать свои силы, долго тут не протянет.

— Я!

— Пупанто Заешир!

— Я!

— Ивах Воппа!

— Я!

— Далмис Птеромбюд!

— Я!

— Цупаж Хуц!

Широкоплечий коротышка Хуц делает шаг вперёд. Он — последний. Ещё позавчера последним в отряде был Юрипэ Пиллдими. На утренней перекличке он, как и положено, сделал шаг вперёд — и вдруг побежал, поскальзываясь и неловко размахивая руками, в предрассветную мглу. Когда он пересёк невидимую границу, элементаль вырос внутри своей решетчатой башни, изогнулся, ослепительный зигзаг резанул по глазам... Я зажмурился, но на сетчатке словно отпечатался негатив увиденного — живая молния облизнула бегущего. Мерзкий был звук. Как от смачного плевка на раскалённый металл. Да, именно такой, жирное шкворчание... Только громче. Потом мы проходили мимо него, и каждый старательно смотрел в другую сторону. В воротах я оглянулся — черное, как головешка, тело зашевелилось, неловко поднимаясь, и зашагало на негнущихся ногах на восток. К курганам.

Отряд втягивается в ворота. Они только называются так, на самом деле это просто П-образная арка, двутавровые железные балки, глубоко врытые в грунт. И ограда Территории такая же условная. Территория — это, по сути, правильный квадрат. В центре его стоят постройки, а по углам — высокие решетчатые башни. Там бьётся в бесконечном танце ослепительный голубой огонь элементалей. В дождь или в снег оттуда летят клочья пара, поэтому зимой бараки обрастают густой щёткой инея.

Жмур характерным широким жестом поводит рукой, запирая путь. Внешне ничего не меняется — но теперь под аркой не пройти. Очень странное ощущение — когда пытаешься пройти через ворота, запертые жмуром. Хочешь шагнуть, а тело не подчиняется. Куда угодно, только не туда. Через некоторое время чувствуешь, что начинаешь сходить с ума — и отступаешь. Говорят, некоторые особо упёртые так вот и свихнулись.

Жмуры... Кто они? Действительно ли это ходячие мертвецы, бывшие колдуны, как говорит молва? Лиц их никто никогда не видел... Всегда в кожаных глянцево-чёрных плащах до земли с огромными поднятыми воротниками, в широкополых шляпах, и тени от них какие-то слишком густые... Взгляд не удерживается, скользит, словно ноги по льду. А может, я и сам не больно-то хочу увидеть, что они собой представляют? Может, и так... Сейчас они загонят нас в щелястый, обшитый неструганным горбылём барак, запечатают дверь до утра и отправятся к себе. Дом жмуров, некрозориум, возвышается точно в центре Территории — зловещего вида здание, сложенное из красновато-бурого, как бы закопчённого давним пожаром кирпича, с высокими квадратными трубами. Пустые оконные проёмы чернеют, словно ямы, снег толстыми валиками лежит на подоконниках. У нас гораздо уютнее... До чего всё-таки относительны в мире все понятия!

Иногда, если остаются силы, меня просят рассказать о тех местах на юге, где мне довелось побывать. Смешно: я не помню, как меня зовут и кто я такой (вернее, кем был), но отчёт-

ливо представляю себе, например, вкус ананаса или манго, сонное течение каналов, усыпанных лепестками магнолий и колыхание красных папоротников-люминофоров на вавилонских улицах... Для здешних юг — это счастливая сказка. Страна, где зимы не бывает! Где фрукты можно срывать прямо на улицах! Большинство, по-моему, просто не верит, что всё это правда. Я и сам себе верю хорошо если наполовину. Может, всё, что я помню, — бред сумасшедшего? И ничего больше нет, кроме холода и тьмы? И всё равно они жадно слушают мои рассказы.

...Наверное, то последнее, что отличает нас от мёртвых, — это любопытство.

Глава 1

Глубоко в джунглях, куда я вернусь, когда я кончу дела,
Глубоко в джунглях, где каждый знает, что сажа бела
Глубоко в джунглях пьют так, как пьют, потому что иначе ничего не понять,
Но достаточно бросить спичку, и огня будет уже не унять.
Борис Гребенщиков. «Джунгли»

Старая как мир истина гласит: каким бы сильным и быстрым ты ни был, со временем обязательно найдётся кто-нибудь сильнее и быстрей тебя. Такова жизнь; даже банальные кухонные ссоры заканчиваются порой весьма плачевно. Чего уж тогда говорить о битве профессионалов; особенно если поединок происходит ночью, под проливным дождём, на крыше одного из самых высоких памятников вавилонской архитектуры!

Когда каюкер разжал пальцы, вцепившиеся в скользкую мокрую жесть, и камнем полетел вниз, в голове его билась только одна, очень странная и невероятно назойливая мысль: «Сорви немедленно набедренную повязку, идиот!!!» Неужели я эксгибиционист, в ужасе подумал Иннот, обгоняя на лету дождевые капли, и последнее моё желание — показать всему миру голую задницу! Что за бред! Неужели я спятил от страха? Пальцы меж тем зажили собственной жизнью — и судорожно рванули узел. Клочок ткани тут же унесло в ночь; а спустя миг кожа каюкера с тихим хрустом вдруг отстала от запястий до ступней, образовав тугие, вибрирующие под напором воздуха перепонки между руками и ногами. Ветер хлестнул наотмашь, врезался в тело исполинской ладонью, замедляя падение. Дыхание на миг перехватило.

«Вот это да!!!»

Словно громадная летучая мышь, какие, говорят, водятся в джунглях далеко на юге, Иннот поплыл в струях воздуха, раскинув руки, всё дальше и дальше от Университета. Внизу мелькали огни городских кварталов. Он слегка шевельнул локтем — и заложил широкий полукруг над городом.

«Невероятно! И я жив! Жив!!!»

Он расхохотался. Тело, надёжное и испытанное, в который раз спасло его от неминуемой гибели — спасло, подарив к тому же ни с чем не сравнимую радость полёта! Паря в напоённой дождём ночи, среди вспышек молний, под рёв урагана, Иннот вдруг во всё горло запел *её*— самую вавилонскую из всех вавилонских песен:

— Бай зе риверс оф Бэбилон, зеа ви сет даун, е, е, ви вепт, энд ви римембед За-айон!* [Для особо интересующихся: автор НЕ ЗНАЕТ, откуда Инноту известна песенка «BoneyM» и почему он считает её самой вавилонской.] Дарк тиаре оф Бэбилон!!! — орал он, проносясь над крышами, едва соображая, что делает. — Е-е-е-е!!! Ю гот ту синг э сонг!!! Каюкерз форева!!!

Порывы ветра мотали его из стороны в сторону. «Однако, так и разбиться немудрено!» — шевельнулась где-то на задворках сознания тревожная мысль. Ужас и восторг постепенно проходили, наступала реакция на стресс. Иннота на лету начала бить крупная дрожь, сердце колотилось как бешеное. «Скорость-то у меня приличная, — подумал он. — Пожалуй, самым разумным было бы приводниться в какой-нибудь канал». Внизу, однако, ничего похожего не наблюдалось — бурей каюкера отнесло довольно далеко от университета. Сейчас он летел вдоль какой-то улицы, постепенно снижаясь. Мимо мелькали освещенные окна. Порывы ветра бросали Иннота от стены к стене. Один раз он чудом не задел фонарный столб, вовремя заложив крутой вираж. Неожиданно впереди показался тупик — улица заканчивалась высоким домом с богато украшенным лепниной фасадом и большими окнами. За светлыми шторами ярко горел свет, сквозь шипение ливня чуть слышно доносилась музыка. Иннот нацелился было на одну из водосточных труб, но в последний момент насыщенный моросью шквальный

порыв мотнул его в сторону — и каюкер с воплем «Атас!!!» смачно врезался точно в центр окна.

«Похоже, сезон разбитых стёкол для меня ещё не закончился», — меланхолично подумал он, когда весёлый звон затих. Как ни странно, на этот раз ни единой царапины! За миг до удара Иннот успел сгруппироваться и прикрыть лицо скрещенными руками.

Кожаная перепонка с тихим всхлипом снова пристала к бокам, оставив лишь лёгкое чувство жжения в подмышках. Впрочем, ему сейчас было не до анализа своих ощущений: разбив окно и сорвав штору вместе с карнизом, он покатился по полу, всё больше запутываясь в ней, пока наконец сила инерции не исчерпала своих возможностей. Оркестр испуганно сфальшивил и замолчал. Воцарилась тишина. Иннот поднялся на ноги и принялся избавляться от шторы, попутно радуясь тому факту, что на нём осталось хотя бы пончо. Вломиться в чужой дом голым — это было бы слишком! — подумал он, срывая наконец с головы последний метр ткани. Взгляду его предстала немая сцена. Дом был полон гостей. Каюкер оказался окружен парами, ещё мгновение назад беззаботно кружившимися в танце. Теперь они, замерев, с ужасом и удивлением таращились на незваного гостя. Но самое интересное заключалось в том, что все присутствующие были обезьянцами.

«Похоже, я попал на обезьянский бал!» — подумал Иннот, с некоторой настороженностью рассматривая участников вечеринки. Были здесь и павианы, и шимпы, и лохматые, словно зонг-звёзды, бабуины, но большинство представляли гориллоиды. Высоченные, чёрные как ночь здоровяки, выпятив губы, разглядывали его, словно какую-то диковину. Практически все они были при галстуках; головы некоторых украшали высокие щегольские цилиндры. На этом, собственно, одежда и заканчивалась: ни трусов, ни набедренных повязок тут, судя по всему, не признавали. «Ну да, это ведь обезьянский бал! Явиться на праздник без галстука невозможно, они же через одного записные франты. Но и лишние тряпки ни к чему; да и зачем, если все свои?»

Пауза затягивалась.

Наконец один из присутствующих откашлялся, зашелестели голоса, кто-то громко высказался:

— Вот это да!

— Прошу прощения! — вежливо извинился Иннот. — Меня сдуло ветром.

Он и сам чувствовал, что его словам чего-то не хватает — может быть, убедительности? — но в этот момент не мог придумать ничего лучше. Оставалось говорить правду. С мокрого насквозь пончо капало на паркет, и у ног каюкера потихоньку собиралась лужа. Он переступил ногами, собрал в кулак всю свою светскость и непринуждённо обратился к ближайшему обезьянцу:

— Не окажете ли вы любезность представить меня хозяину этого дома? Думаю, что...

В этот момент ему на плечо легла здоровенная лапища. Иннот обернулся. Где-то на полпути к потолку маячила крохотная голова с близко посаженными глазками, широкими ноздрями и на диво мощной челюстью. Телосложением существо обладало поистине богатырским, даже для гориллоида, и настроено оно было, судя по всему, отнюдь не дружелюбно. Иннот почувствовал, что некая сила увлекает его вверх. Ноги каюкера оторвались от пола. Обезьянец поднял его на уровень глаз и медленно склонил голову набок.

— Я интересуюсь, — проникновенно вопросил он, сдвинув густые брови к переносице, — по какому это праву, любезный, ты врываешься на частную вечеринку, пугаешь добропорядочных граждан, да ещё и бьёшь при этом стёкла? МОИ стёкла?!!

— Стоит тебе поставить меня на пол, как я сразу же дам исчерпывающие объяснения, — прохрипел Иннот.

Пончо сдавило ему горло. В других обстоятельствах он бы вполне мог заделать здоровяку каюк — или, по крайней мере, обездвижить его сильным электрическим импульсом; но драться

ему сейчас хотелось меньше всего. Гориллоид поразмыслил немного, но всё же вернул каюкера обратно.

— Ну? — буркнул он. — Я жду!

— Я стоял на крыше одного дома, поскользнулся и полетел вниз. Сильным порывом ветра меня закинуло в ваше окно. Вот, собственно, и всё. Разумеется, я полностью возмещу вам все убытки, причинённые моим внезапным...

— А что ты делал на крыше, позволь узнать? — тут же поинтересовался какой-то въедливый шимп.

— Ворюга, не иначе, — подвёл итог павиан, отвлекаясь на миг от своего занятия (он демонстрировал одной даме искусство заглатывать банан целиком, не разжёвывая).

Этот обезьянец, единственный из всех, был полностью одет в какую-то немыслимо кричащих расцветок униформу с аксельбантами, эполетами и огромным количеством золочёных пуговиц.

— Ну зачем же сразу ворюга! — заверещала его спутница, миниатюрная макакообразная женщинка. — Почему вы прям всегда так плохо обо всех думаете, поручик! Может быть, этот юноша... Например, каюкер! Ах, это так романтично!

— Да ты представляешь, во сколько мне обойдётся ремонт?! — грозно вопрошал между тем хозяин, угрожающе нависая над Иннотом. — Проклятая буря зальёт мне весь паркет! Он встанет дыбом!! Будет протечка вниз, к соседям, а ты и понятия не имеешь, какие у меня внизу соседи!!!

— Просто назовите сумму, — довольно сухо оборвал его Иннот.

Происходящее начинало раздражать его.

— Просто назвать сумму?! Да какие у меня гарантии, да кто ты вообще такой, да я!!! — взревел гориллоид, делая явные поползновения вновь сцапать каюкера за шкирку.

Тот уже совсем было решился попотчевать грубияна электрошоком, как вдруг рядом послышался знакомый голос:

— Что тут происходит? — и, секундой позже: — Иннот!

Сквозь толпу пробирался Громила. В одной руке гориллоид сжимал недоеденный банан, в другой — банку пива, и вид имел весьма удивлённый.

— Каким ветром тебя сюда занесло, старина?!!

— Ураганным, — хихикнул кто-то.

— Да вот... — неопределённо высказался Иннот, широким жестом показывая на разбитое окно.

Глаза Громилы расширились:

— Ого!

— Гм... Прошу прощения, так ты его знаешь? — спросил здоровяк тоном ниже, кивая на Иннота.

— Конечно, знаю! — Громила дружески приобнял приятеля и белозубо оскалился. — Иннот, прошу любить и жаловать!

— Это... Друзья моих друзей — мои друзья, но всё же... — хозяин явно пребывал в смущении.

— Уверяю вас, всё произошло так, как я сказал, и действительно случайно. Что же касается ущерба, я с удовольствием выплачу вам любую устраивающую вас сумму. Громила свидетель, я держу своё слово, — устало промолвил каюкер.

— Да ущерб-то... — пробормотал хозяин, — ущерб-то пустяки, просто удивился я очень. А я, когда удивляюсь, всегда лезу в драку. Сейчас чем-нибудь заткнём дыру... — Он огляделся.

— Возьмите матрас, — предложил какой-то престарелый седовласый павиан с военной выправкой. — Вытрите им пол, а потом заткните дыру в стекле. Потери будут минимальными, я вас уверяю.

— Правильно! — обрадовался хозяин. — Вот что значит интеллектуальные войска! Майор, вы гений!

— Если бы ещё моё начальство разделяло эту точку зрения, — усмехнулся павиан, — я был бы счастливейшим из смертных.

— Что, зажимают? — сочувственно покачал головой Громила.

— Увы! Это же интеллектуальные войска, а не авиация. У нас в штабе антиприматов ничуть не меньше, чем на собраниях «Резистанса». Печально, но факт.

— Познакомься, Иннот: это — Морш де Камбюрадо, майор интеллектуальных войск, потомственный дворянин, между прочим, да и вообще — личность крайне незаурядная.

— Очень приятно, — павиан неожиданно крепко пожал Инноту руку. — А чем вы изволите заниматься, любезный?

— Каюкинг, — честно ответил Иннот. — Охота на монстров.

— Каюкер! Каюкер! Я так и знала, что он каюкер! — завопила женщинка-макака, подпрыгивая на месте и радостно хлопая в четыре ладоши. — Я знала, знала, знала! Ты слышишь, Зизи! Я так и знала!!!

Павиан и Громила снисходительно поглядывали на восторженную обезьянку.

— Пойдём-ка, выпьем чего-нибудь, мелкий, — предложил Громила. — Да и одёжку просушить тебе не мешает, если уж на то пошло. Ты не стесняйся, будь как дома: Дуит Лопа парень простой и компанейский, зла на тебя не держит.

— Дуит Лопа — это тот здоровенный, я правильно понимаю? — на всякий случай уточнил Иннот.

— Ну, даёшь! Надо же хотя бы знать, к кому вламываешься в окно! — хохотнул Громила. — Лопа — один из самых известных на сегодня бойцов обезьянского реслинга. В отличие от прочих своих коллег, он жуир и бонвиван, каких мало. Обожает великосветские рауты; ну а поскольку денег у парня, сам понимаешь, куры не клюют, то оттягивается он вовсю, вот как сейчас.

— Это заметно! — Иннот осматривался.

Народу на вечеринку собралось довольно много. Некоторые танцевали, но в основном все толпились около стола, буквально заваленного фруктами и напитками. Каюкер узнал среди гостей нескольких знаменитостей.

— Слушай, а ты-то как попал в эту компанию?

— Мы с Дуитом росли в одном дворе; он часто меня приглашает, — гориллоид отхлебнул пива и вполголоса добавил: — Кроме того, время от времени он знакомит со мной тех, кому требуется профессиональная помощь каюкера, за определённый гонорар, естественно.

— А, вот в чём дело...

Оркестр снова заиграл. Громила поморщился:

— Одно только мне здесь не нравится: музыка. Старина Дуит считает почему-то, что если ты обезьянец, то должен уважать джаз.

— А ты бы, конечно, предпочёл зонг?

— Ну да, ты же знаешь мои пристрастия...

— А вам нравится джаз, господин де Камбюрадо?

— Я предпочитаю классику, — пожал плечами павиан. — Скрипичный концерт ре минор — для меня самое то. А под эти синкопы так и хочется продемонстрировать кому-нибудь афедрон, извините за выражение.

— Да вы не стесняйтесь, Морш! Здесь вас вполне поймут! — загоготал подошедший хозяин.

— Беда в том, что, один раз начав, трудно остановиться, — усмехнулся павиан. — А мне моя карьера пока что дорога.

— Ну, как угодно. Слушай, Гро, вам что-нибудь нужно?

— Сухое полотенце, бутылочку рома и спокойное место, где мы могли бы побеседовать.

— Нет ничего проще. Идите по коридору, там есть несколько свободных комнат. Только не занимайте ту, где кровать с балдахином; она мне вскоре понадобится.

— Спасибо, господин Лопа. Я непременно возмещу вам...

— Да это пустяки! — здоровяк махнул лапой. — И называйте меня Дуит, старина! Лучше просто Ду. Мой скромный гадюшник в вашем распоряжении, ребята! А сейчас прошу меня извинить... — И он, приобняв за талию проходившую мимо гориллессу, с ходу увлёк её за собой, нежно нашептывая что-то на ухо.

Дама захохотала и отвесила ему звонкий шлепок нижней конечностью.

— Знаешь, глядя на обезьянцев, очень остро понимаешь, чего так не хватает нам, людям, — вздохнул Иннот.

— Животной непосредственности, — ухмыльнулся Громила.

Иннот вздрогнул:

— Ты что, ещё и мысли читаешь?!

— Да нет, просто эту реплику я слышал от тебя миллион раз. И ещё, как это... Витальность джунглей, во! Не так уж трудно запомнить! Витальности, кстати, сегодня будет хоть отбавляй. Ты когда-нибудь видел настоящее обезьянское танго?

— Тот самый скандально знаменитый танец, плавно переходящий в коитус? Откровенно говоря, ни разу. — Иннот засмеялся и покачал головой: — Мне и без того достаточно острых ощущений.

— Это ещё что! Чуток попозже половина гостей налижется до розовых грохмантов, и здесь такое начнётся! Кстати, как тебе та маленькая манки?

— Которую развлекал этот щёголь-поручик?

— Пустозвон, да и пошляк к тому же. Фокус с бананом — верх его остроумия. Надеюсь, кто-нибудь в конце концов запихнёт ему сей фрукт с другого конца пищеварительного тракта... А малышка — прелесть. Откровенно говоря, я собираюсь ею сегодня заняться.

— Тогда не буду тебе мешать.

— Э нет, парень, не отвертишься! Давай-ка сперва рассказывай, как это ты умудряешься падать с крыши прямиком в окно! Сейчас мы с тобой выпьем...

— Слушай, как ты думаешь, ничего, если я останусь здесь до утра? Неохота снова под дождь.

— О чём речь, конечно!

Иннот и Громила уютно устроились в одной из пустующих комнат. Иннот закутался в хозяйский плед, хлебнул рома и, задумчиво глядя перед собой, сказал:

— Знаешь, старина, по крайней мере одна из городских легенд переходит отныне в разряд непреложных фактов.

— Это ты о чём? — поинтересовался гориллоид.

— Подметала существует на самом деле; и можешь мне поверить — он действительно каюкер экстра-класса, лучший из лучших. Кому, как не мне, это знать: ведь именно сей субъект сбросил меня с крыши минут двадцать назад...

* * *

Размеренная и мирная жизнь маленького племени смоукеров была грубо нарушена. Сначала наделала переполоху съёмочная группа, прилетевшая на дирижабле аж из самого Вавилона; а едва только утихли телевизионные страсти, оказалось, что юный Хлюпик, единственный, не сдавший в этом году экзамена на зрелость, бесследно исчез! Не иначе, ушёл с этим странным чужаком, — шептались поселяне; только предки знают, что он за человек! Родители непутёвого паренька были безутешны; бывшие одноклассники, не говоря уж о закадычных друзьях, рвались следом — выручать и спасать; неугомонный старикан Гоппля уже начал было

собирать партию охотников, чтобы отправиться на поиски; но этому неожиданно воспротивился Свистоль.

— Ничего страшного с вашим драгоценным Хлюпиком не случилось... Пока, по крайней мере, — уверенно заявил шаман племени. — Парень просто повзрослел, и судьбу свою, какой бы она ни была, волен выбирать сам. А вы... Вы все очень нужны нам здесь.

Большой Папа, да и Свистоль, восприняли рассказ бродяги-каюкера о наводнении со всей серьёзностью. Слухи о новой напасти пошли гулять по деревне, от одной корзины к другой. То тут, то там собирались кучки встревоженных селян, взволнованно обсуждая что-то, размахивая руками, — случай для степенных смоукеров крайне редкий. Постепенно народ стал скапливаться перед общинным складом. В нём хранились все важные вещи племени. Были среди них и такие, про которые даже самые старые смоукеры не смогли бы ничего сказать толком.

Наконец, плетёная дверца открылась, и Папа вышел наружу. Сегодня он был без своей обычной тростниковой шляпы и — небывалый случай — без трубки! Это могло означать только одно. Старейшины довольно щурились и потирали втихомолку ладони.

— Друзья мои! — начал Большой Папа. — Я получил тревожные вести. И вести эти таковы, что нам незамедлительно следует созвать совет племени, чтобы обсудить их. Наша реликвия, наш Священный Кальян уже наполнен ключевой водой, а кальянный табак, изготовленный лучшими мастерами, принесут с минуты на минуту.

Тут сквозь толпу протиснулся красный растрёпанный Пыха. Он протянул Папе закрытый крышкой глиняный горшочек и тут же смущённо скрылся за спинами старших. Папа приподнял крышку, понюхал и удовлетворенно кивнул.

— Старейшин попрошу ко мне, — сухо обратился он к толпе. — Остальные пока свободны.

Старейшины потянулись на склад, улыбаясь и поглаживая короткие седые бородки. Новости, как говорится, новостями, а вот чести покурить кальян они удостаивались только по большим праздникам. А ведь это старичьё ничем не отличается от тех, кто остался там, снаружи, — с неожиданным раздражением подумал Свистоль, закрывая за собой дверь. Старейшины! Все смоукеры живут одним днём; для них и прошлое, и будущее — это одно большое «сегодня», просто растянутое, длиной во всю жизнь. А завтра между тем уже постучалось к нам в лукошко, и надо что-то решать, причём решать прямо сейчас. А этим лишь бы накуриться. «Смоук»! Надо же было им с Папой придумать такое! А впрочем, это лучше, чем прыгать голыми у костра, вопя и потрясая копьями. Так они тогда и решили: трубка табаку больше способствует интеллектуальным усилиям, чем ритуальные пляски. Жаль только, что дальше трубки дело почти ни у кого не пошло.

Пока мундштук передавали по кругу, Свистоль поймал взгляд Большого Папы.

«Ну что, доцент? Кончилась старая жизнь?»

«Кончилась, профессор...»

Мундштук совершил полный оборот. Папа напоследок ещё раз затянулся и решительно отложил его в сторону.

— Друзья! — начал он.

Свистоль с интересом прислушивался. Между собой они с Папой обсудили всё ещё вчера. И вот теперь самый правильный смоукер, в обычной манере, лишь изредка чуть заметно приостанавливая плавное течение своей речи (Свистоль знал, что он в эти мгновения подбирает простые, понятные слова) обрисовывал сидевшим с раскрытыми ртами старейшинам картину нового мира. Перед глазами смоукеров вставали страшные видения бескрайних болот и озёр, разлившихся на месте знакомых и привычных полян и перелесков, в ушах звучал похоронный плеск волн, поглощающих табачные делянки, с таким трудом отвоёванные у Великого Леса. Наконец Большой Папа закончил. В наступившей тишине кто-то вдруг шумно перевел дух. Папа взял мундштук и принялся раскуривать кальян заново. Некоторое время все молчали.

— Высказывайтесь, друзья мои, высказывайтесь, — подбодрил их Свистоль.

— Так это что же, — маленький хлопотливый старейшина по имени Грибок хрипло прокашлялся. — Так что же, значит, выходит, нам конец? Так, что ли? Ты чё, Папа?

— Да не нам конец, а привычной нашей жизни. Деревне нашей конец. Это ты верно понял. А мы... Мы, смоукеры, ещё побарахтаемся, знаешь ли.

— А может, пронесёт? — робко спросил кто-то.

— А вот на это не рассчитывай, — Папа наставил на него жёлтый от никотина палец. — Будешь так думать, скоро проснёшься посреди болота с мокрой задницей.

— Сейчас нас только одно должно интересовать, — подал голос Свистоль. — Что делать?

— И кто виноват! — выкрикнул Гоппля, бывший лучший охотник и главный деревенский охальник, и по сю пору не забывающий поддерживать свою репутацию. — Я уж чую, что не просто так вода поднимается! Наверняка какие-нибудь несмоукеры плотину построили или что-нибудь ещё такое!

— Кто виноват, я тоже знаю, — кивнул Большой Папа.

— О-о! — восхищённо вздохнули старейшины.

— Да. Но нам не покарать виновного: он не кто-нибудь, а Великий Маг. Вы все знаете, что это такое.

«Ага, как же... Вы и понятия не имеете, — подумал Свистоль. — Да и мы с Папой тоже».

— Поэтому давайте сосредоточимся на выполнимом. Что нам следует сделать первым делом?

— Плоты вязать, я так полагаю, — кивнув собственным мыслям, сказал Грибок. — Если затоплять начнёт, плоты — первое дело! И большие, чтобы на всех места хватило. Саженцы табачные надо взять с собой, а высушенный табак запаковать хорошенько.

— А что? Он дело говорит! — вскинулся Гоппля. — Нам же еще урожай надо собрать, а, смоукеры?

— Грибок, ты хоть знаешь, как эти плоты строить?

— Нет, — несколько смущённо признал старейшина. — Но Папа же знает?

Папа кивнул.

— Вот, Папа знает, — облегчённо вздохнул Грибок. — Как он скажет, так и сделаем.

— Правда, Папа, что нам делать сейчас?

Большой Папа поморщился. Вот этого они как раз старались избежать... Конечно, выскажись он сейчас, и старейшины ухватятся за его слова, как утопающий за соломинку... Но как тогда заставить их соображать самих?

— Вы вот о чём подумайте. Допустим, найдём мы сухое место, высадим саженцы... А ну как потоп и туда доберётся? Что скажете? — Свистоль обвёл собрание строгим взглядом.

— Может, сначала это... Плоты построим? — робко спросил один из старейшин. — А потом уже про остальное решим...

— Мы без курева — никуда! — пристукнул кулачком Гоппля. — Думать обо всём сразу надо! А вот выйдет весь табак, что тогда будешь делать? Бамбук курить?

Запрыгали смешки. Красный, как свёкла, оппонент Гоппли потянулся к кальяну и с сердитым видом запыхтел мундштуком.

Ожидаемая Большим Папой и Свистолем реплика так и не прозвучала; лишь спустя пару дней, проходя мимо компании вчерашних школьников, шаман услышал заветные слова.

— Это даже несмоукеру ясно! — солидно говорил Пыха, недавно произведённый в охотники и необычайно этим гордившийся. — Куда нам ещё деваться, если затопит тут всё? Только в Вавилон!

Глава 2

Иннот и Громила с удовольствием прикончили бутылку рома, закусывая его бананами и манго; после чего гориллоид отправился веселиться дальше, а изрядно уставший за день Иннот укутался тёплым пледом и завалился на диван. От алкоголя шумело в голове, но он не беспокоился по этому поводу: организм каюкера полностью перерабатывал всё, что в него попадало, преобразуя съеденное и выпитое в электричество. Сон пришёл не сразу. Некоторое время он лежал, прислушиваясь к доносившимся из коридора шумам. Джаз наяривал вовсю; то и дело раздавался смех и весёлые взвизги разошедшихся обезьянцев. Время от времени какие-то парочки в поисках уединения заглядывали в комнату, но, завидя Иннота, ретировались. Один раз в коридоре послышался шум драки: судя по всему, павиан-поручик получил-таки по морде, злорадно отметил про себя Иннот. Огонёк светильника, такой уютный и безопасный, потихоньку стал расплываться; и наконец, каюкер погрузился в сон.

Он снова оказался в затопленном городе, где всё было похоже на декорации к какому-то странному, невесёлому спектаклю. В неподвижных тёмных водах отражались кирпичные остовы домов. Высоко в сером небе пролетела одинокая ворона. Иннот осмотрелся. Прямо под ногами начинался деревянный мостик — две занозистые доски лежали, казалось, прямо на воде. Он осторожно ступил на них. По воде лениво поползли чёрные лаковые волны. Да, так и есть. По такому помосту, если не хочешь замочить ног, надо двигаться очень быстро. «Странный сон, — подумал каюкер. — Очень странный». Он явственно видел мельчайшие детали пейзажа: пятнышки мха и сколы на кирпичах, пожелтевший лист, плавающий в воде, — причём откуда-то взялось стойкое впечатление, что видит он это отнюдь не в первый раз. «Эти мостки, похоже, ведут куда-то. Смахивает на неназойливое приглашение...» И он решительно двинулся вперёд. Доски под ногами упруго прогнулись, уходя в воду, раздался чуть слышный всплеск. Иннот побежал. Он успел ухватиться за подоконник и через пустой оконный проём оказаться внутри дома до того, как мостки скрылись под водой.

Это место было таким же, как и предыдущее: голые кирпичные стены, опавшие листья, битое стекло и мусор на полу — и полное отсутствие крыши. Дверей тоже не было. Иннот прошелся по комнатам. Звук шагов рождался и тут же умирал, не успев долететь до стен. Развалины походили на остров, со всех сторон окружённый водой, — но с другой стороны дома кто-то заботливо положил ещё несколько досок, уводящих вглубь подтопленного города. «Это становится интересным», — подумал Иннот. Двигаясь от одних развалин к другим, он некоторое время пробирался по лабиринту полузатопленных двориков. Наконец, мостки привели его к пролому в стене. Перед ним был типичный вавилонский двор-колодец: грязно-жёлтые стены в растрескавшейся облезлой краске, пятачок серого неба сверху. И тишина — полная, какая-то бумажная тишина; словно всё вокруг, и он сам тоже, нарисовано на большущем листе ватмана.

Внезапно Иннот заметил неяркий огонёк. Это окно, в отличие от прочих, было застеклено. Одинокая доска наискось перечёркивала тёмное водяное зеркало и уходила в подъезд. Иннот легко пробежал по ней и очутился на мрачного вида лестнице. Чугунные перила давно лишились деревянных накладок, под отставшей штукатуркой стен виднелось переплетение дранки. Он поднялся на второй этаж и остановился перед высокой, выкрашенной в коричневый цвет дверью. Звонка не было: вместо него из стены торчали два скрученных проводка. «Ну что же, — вздохнул Иннот, — в конце концов, это всего лишь сон, к тому же мой собственный. Значит, я могу делать здесь всё, что захочу». Он положил руку на потемневшую латунную ручку и решительно толкнул дверь вперёд. В полутёмном коридоре витал аромат кофе. Каюкер сделал несколько шагов и остановился на пороге комнаты.

— Прошу прощения... — начал было он, но вдруг осёкся и замолчал, вытаращив глаза. Да и было от чего! В комнате с удобством расположилось десятка полтора человек — и все они были Иннотами.

Некоторое время они молча рассматривали друг друга. Потом кто-то из двойников чуть улыбнулся и приглашающе кивнул в сторону кресла. Каюкер молча сел, не зная, с чего начать.

В тишине негромко зазвучал мерный ритм. Один из Иннотов держал в руках необычный музыкальный инструмент — что-то вроде небольшого барабана, снабженного тонким грифом с натянутыми струнами. Пальцы его тихонько постукивали по перепонке. От прочих его отличали очень пёстрое пончо и причёска. Волосы музыканта были обесцвечены и заплетены в многочисленные короткие косички, на носу сидели узкие очки с розовыми стёклами. Неожиданно он усмехнулся и подмигнул каюкеру. «Па-паупи-памммм», — пропели струны.

— Ну здравствуй, Иннот, — сказал он. — Похоже, начинать снова придётся мне.

— Начинать что?

— Я бы назвал это экскурсией по тайникам собственной памяти. Ты осознаёшь, что всё происходящее тебе сейчас снится?

— Да, вполне, — с некоторой долей неуверенности ответил Иннот, украдкой стискивая рукой подлокотник кресла.

Кожаная обивка чуть слышно скрипнула.

— О, всё это, — музыкант обвёл рукой комнату, — вполне реально; в некотором смысле. Но в то же время спустя несколько часов ты как ни в чём не бывало проснёшься и пойдёшь по своим делам.

— А я запомню то, что со мной сейчас происходит? — осторожно спросил Иннот. — По-моему, этот город мне снится уже не впервые...

— Мы пытаемся пробиться к твоему сознанию уже давно, — вступил в разговор один из двойников. — Но до сих пор ты ещё не был готов к общению с нами. Ты действительно иногда оказывался здесь; но ни разу до этой минуты не проходил весь путь до конца. Поэтому воспоминания не сохранялись надолго. Но поскольку теперь ты добрался до нас, то всё будешь помнить, словно это произошло наяву.

— Итак, ты наверняка хочешь знать, кто мы и что это за место, — улыбнулся музыкант. — Но всё по порядку. Для начала скажи мне: ты никогда не задумывался над тем, откуда ты взялся? Какие твои самые первые в жизни воспоминания?

Иннот вздохнул:

— Первое моё воспоминание начинается с того, что я очутился в джунглях. На мне была потрёпанная набедренная повязка. Весь мой багаж составляли бычий пузырь с огнивом и трутом, кремневый ножик и самодельная дубинка. Я почти всё знал про Лес и кое-что — про Бэбилон, но понятия не имел, кто я и как меня зовут. — Он помолчал. — Это было лет семнадцать или восемнадцать назад. Самое интересное, что с тех пор я совсем не изменился...

— Моё имя Воблин Плиз, — сказал один из двойников, — и я всю свою жизнь путешествовал на воздушных кораблях. Немножко торговал, немножко занимался контрабандой, в общем, как теперь говорят, был профессиональным авантюристом. Накануне того дня, как ты очнулся в джунглях, я набрёл на молодой стоерос и выстрогал из него ту самую дубинку. Это заняло у меня почти полдня. Но торопиться мне было некуда... Время, старина, почему-то не имеет над нами власти. Вот мне, например, сто двадцать пять лет...

— Сколько-сколько?!

— Я воевал во Вторую Магическую, — просто сказал Воблин. — Согласно официальным данным, я числюсь среди потерь Военно-Воздушного Флота Белой Коалиции. Был тогда случай, я свалился с дирижабля, на виду у многочисленных свидетелей, между прочим. Про мою летательную перепонку я, конечно, никому не говорил... Ну ладно, это дело прошлое. Так вот, я подготовил для тебя оружие, потом поймал древесного удавчика, развёл костёр и плотно

пообедал. Затем я нашёл уютное место в корнях поваленного бурей дерева, выстлал его мхом и уснул... А проснулся уже не я, а ты.

— Первое воспоминание Воблина Плиза — горы, — сказал музыкант. — Дикие горы Севера. Именно там, в районе Туманного хребта, сто сорок три года назад потерпела аварию шикарная, но слишком хрупкая воздушная яхта Сола Кумарозо, звезды джанги и вашего покорного слуги, — он слегка поклонился.

— Поклонники были в отчаянии, — сообщил Воблин Плиз. — Они много лет подряд устраивали «Кумарины», фестивали джанги имени тебя. Потом всё как-то плавно сошло на нет.

— А я думал, джанги — послевоенная музыка, — растерянно произнёс Иннот.

Несколько двойников рассмеялось.

— Джанги был и будет всегда! — провозгласил Кумарозо. — Он может менять имена; он то забывается, то вновь возносится на пике популярности. Например, когда-то, давным-давно, он назывался форест-фолк. Ритмы джанги будоражили людям кровь задолго до моего рождения...

— ...которое произошло в маленькой лодочке, несомой водами могучего Строфокамила, за много-много миль от Бэбилона и за двести восемь лет от сегодняшнего дня, — вступил ещё один двойник. — Один весьма уважаемый человек, вундеркинд, можно сказать, самый молодой из профессоров Бэбилонской Академии Наук, не вернулся тогда из своей последней экспедиции...

У каюкера вдруг перехватило дыхание.

— Да. Ты всё понял правильно, — музыкант смотрел прямо в глаза Инноту. — Разные времена, разные вроде бы люди... Нас много, старина; но все мы на протяжении веков пользуемся одним и тем же телом. Рано или поздно каждый из нас оказывается лицом к лицу с остальными. Сейчас твоя очередь.

Иннот потрясённо молчал. Кумарозо взял несколько аккордов. Барабанчик уютно устроился на коленях музыканта. Чёрные пальцы нежно охватывали полированный розовый гриф, перебирая струны. Другая ладонь начала отбивать ритм по тугой перепонке — сначала тихонько, еле слышно. Ритм множился, звучание усиливалось, захватывая, заставляя ноги присутствующих подрагивать в такт. Одна струна вдруг зазвенела, заныла исполинским москитом, выводя будоражащую и дикую мелодию. Внезапно Кумарозо оборвал игру, резко прихлопнув её ладонью:

— Вот такие дела, старина.

Иннот сглотнул:

— Это... А откуда взялся я? Как это происходит?

— Хочешь знать, откуда берутся дети? — задрав осветлённые брови, спросил Кумарозо.

Все засмеялись.

— Ну, слушай. В определённый момент ты понимаешь, что достиг в жизни всего, чего хотел. Или, наоборот, что достигнуть того, чего хочешь, совершенно нереально. И тогда тебе остаётся только уйти на покой. Но кто-то же должен занять твоё место, верно? И тогда ты начинаешь конструирование этой самой личности.

— Конструирование? — несчастным голосом переспросил Иннот.

— Ну да. Попросту говоря, сначала ты определяешь, какими качествами должен обладать будущий владелец твоего нынешнего тела. Воблин, например, в числе прочего привил тебе любовь к пончо — в обычном плаще трудно распахнуть летательную перепонку. Кроме того, он напрочь удалил у тебя страх перед высотой — ты, наверное, замечал, что он в той или иной степени присущ большинству людей? Это, в общем-то, оправданно. Но ты спокойно можешь обойтись без него — ведь любая высота для тебя не страшна. Это, конечно, очень грубый пример. Существует специальная методика, по которой строится новая личность. Тра-

дицонно, основным создателем будущего хозяина тела является предыдущий. Но и другие могут принять в этом участие — если захотят, конечно.

— Вот оно что! То-то я смотрю, блин, эдипов комплекс не мучает, — Иннот задумался. — А с чего всё это началось? Я имею в виду, кто был самым первым владельцем нашей шкурки?

— Тайна сия велика есть, — вступил в разговор один из двойников; он носил длинную вязаную хламиду и мягкие домашние тапочки. На лице его (на своём лице!) Иннот с некоторым интересом отметил печать добродушия и умудрённости.

— Дворнике самый старший из нас. Но и он не может тебе сказать, с чего всё началось, потому что появился на свет точно так же, как и мы все.

— Это было около тысячи двухсот лет назад, — скромно добавил Дворнике.

Челюсть Иннота отпала:

— СКОЛЬКО?!!

— Ты не ослышался. Одна тысяча двести лет с хвостиком, именно так.

— Но тогда ты... Ты должен помнить даже Первую Магическую!

— Сие непотребство, по счастию, не довелось мне застать, — усмехнулся Дворнике.

Иннот схватился за голову.

— Хочешь кофе? — спросил его Кумарозо.

Каюкер молча кивнул. Говорить он сейчас просто не мог.

— Понимаешь, наша память — это как дом со множеством комнат, — продолжал музыкант, протягивая Инноту невесть откуда взявшуюся белоснежную фаянсовую чашку на блюдечке. — Ты сейчас просто открыл дверь и вошёл в гостиную. Ну а мы — мы живём тут давно и уже хорошо освоились; у каждого персонажика своё жилище...

— Персонажика?

— Так мы кличем друг друга, — усмехнулся Кумарозо. — Не инкарнациями же называться!

Иннот попробовал кофе. Напиток был восхитителен.

— А как вы определяете, кому сколько того... жить осталось?

Остальные расхохотались.

— Да кто же это может определить, кроме тебя самого, балда? — отсмеявшись, сказал Воблин Плиз. — Вот ты... Чисто физически наш возраст «плавает» — при желании ты можешь выдать себя и за подростка, и за юношу, и за молодого человека лет двадцати пятитридцати. Это ведь скорее зависит от манеры себя держать, а не от внешности... Короче говоря, парень, — вечная молодость! Плюс все сопряженные с нею выгоды... Ну и некоторые минусы есть, конечно. Если такая жизнь тебе наскучит, — тогда милости просим, принимайся за дело, готовь телу следующего хозяина! Одним и полусотни лет для этого достаточно, другим вдвое, а то и втрое больше.

— А если я потом передумаю? — осторожно спросил Иннот.

— Да пожалуйста! Такое, правда, редко у нас бывает, но вот, например, Талво уже трижды выходил, так сказать, в свет. Он у нас паренёк сурьёзный, следователь по особо важным делам; его ретивое, понимаешь, время от времени мучить начинает, — несколько ехидно проговорил Кумарозо. — Идёт добро и справедливость насаждать железною рукою!

— Ох! Ещё и следак внутри! Ну, я влип... — простонал Иннот.

— Да ты не нервничай так, — подмигнул ему один из персонажиков. — Я парень свойский! К тому же, каюкер, следователь — разницы большой нету! Ты просто доводишь до конца то, что я, угробив кучу времени на писанину, предоставляю сделать другим.

Некоторое время все молчали. Что-то не давало Инноту покоя — и он наконец понял что.

— Неувязочка есть... Ну, допустим, меня сконструировал Воблин, так?

— Фактически да. Я немного помогал, ещё кое-кто, — ответил Кумарозо.

— А Воблина сконструировал ты, тебя — кто-то ещё, и так далее. Но самый первый, Дворнике кажется, да? Он-то откуда узнал, как это делается?

— Придумал, — пожал плечами Дворнике. — В конце концов, у меня была масса времени! Я представлял себе, каким я хочу стать, — и вот, в один прекрасный миг додумался и создал методу...

— Выходит, все мы — в некотором роде твои дети? — нервно рассмеялся Иннот. — А ты наш первопредок?

— Вроде того... Но учти: я сам понятия не имею, откуда я взялся. Забавно, правда?

— Да уж... А почему у тебя такое смешное имя?

— Ну... Понимаешь, я — Дворнике и работал всю жизнь дворником, — ухмыльнулся персонажик. — Это настолько естественно, что у меня и в мыслях не было этому удивляться.

— А скажите-ка: вы можете мною управлять?

— Да пойми же: на твою свободу никто не покушается. Разумеется, когда мы конструируем новую личность, мы вправе по своему усмотрению вложить в неё, скажем, какие-то привычки, пристрастия, наделить определённым темпераментом; но как только работа закончена — больше никакого вмешательства. Ты волен делать то, что считаешь нужным. Мы не вмешиваемся в твою жизнь, старина. Мы только наблюдаем, ну и даём подсказки, если они тебе нужны — иногда.

— Даёте подсказки?

— Да. Но опять же, только если ты сам того хочешь, причём очень сильно. Помнишь, лет пять назад ты в числе прочих пассажиров оказался в терпящем бедствие дирижабле, без пилота и штурмана? И довёл его до аэродрома, как заправский лётчик?

— Так это...

— Воблин Плиз, собственной персоной. Он-то любой летучий корабль знает, как свои пять пальцев!

— А сведения о монстрах, с которыми я ни разу не сталкивался и о которых даже не слыхал?

— Профессор Эксклибо, кафедра монстрологии естественнонаучного отделения Бэбилонского университета.

— Похоже, ребята; я должен сказать вам спасибо! — Иннот шутливо развёл руками.

— Да пожалуйста, — усмехнулся Кумарозо. — Пользуйся на здоровье.

— А летательная перепонка? И электричество?

— Этого мы тебе не подсказывали. Я же говорю, мы уважаем свободу воли. До большинства вещей ты дошел сам. Впрочем, и электричество, и перепонка, по-моему, срабатывают автоматически, в случае опасности. Твоё тело само прекрасно знает, что нужно делать.

— Ладно, со своим происхождением я, похоже, немного разобрался. А теперь расскажи мне насчёт этого места.

— Что тут рассказывать? — пожал плечами Кумарозо. — Это место, так же как и все мы, — в твоей голове. Можно сказать, персональный рай для персонажиков-пенсионеров.

— Что-то не больно похоже на рай, — с сомнением сказал Иннот, покосившись в сторону окна.

— А, ты о пейзаже... За это можешь сказать отдельное спасибо Касаварке.

— Кому?!

— Мне, — один из двойников улыбнулся. — То, что ты видишь, — это реконструкция. Таким был Биг Бэби времён Великого наводнения.

— Что за Великое наводнение? — заинтересовался каюкер. — Никогда о нём не слышал.

— Ещё бы, оно было четыреста лет назад. Но город примерно так и выглядел. Сначала был Великий пожар, потом — Великое наводнение... Вообще-то, здесь действительно персональный рай; причём у каждого из нас — свой. Для кого-то — шалашик в лесу, на берегу свет-

лой речки, для кого-то — роскошный дворец с парками и фонтанами... Но нам потребовалось какое-то общее место, где мы могли бы встречать новоприбывших и общаться друг с другом. Так и появилась эта квартира. Тут очень уютно, ты заметил? Фактически, это копия того места, где я прожил всю свою жизнь. Бэбилон, Садовая аллея, дом тридцать один дробь тридцать три, квартира двадцать девять. А затопленный город... Знаешь, это ведь действительно очень красиво — пустынные дома, тёмные воды...

— Да он поэт, этот паренёк! — пробормотал кто-то.

— Объясните ещё раз насчёт персонального рая, — попросил Иннот.

— Кофе хочешь? — спросил Кумарозо.

— Не откажусь.

В руках музыканта материализовалась ещё одна чашка.

— И так — любое желание, — спокойно сказал он, передавая её Инноту. — Вообще любое. Поскольку всё вокруг — всего лишь твои мысли, ты здесь практически всемогущ. Единственные границы, которые существуют, — это границы твоей фантазии.

Несколько секунд Иннот обдумывал это. Потом глуповато ухмыльнулся:

— А если я захочу гарем? Полную обойму разнокалиберных красоток, не обременённых избытком одежды?

— Он будет у тебя. Я же говорю — всё, что ты захочешь. Всё. Города. Страны. Миры...

— Теперь понимаешь, юноша, почему среди нас не так уж много желающих поуправлять нашим старым добрым телом? — тихонько спросил Дворнике.

— Стоп! — каюкер решительно поставил чашку на пол и встал. — Ребята, то, что вы здесь наговорили... Для меня это слишком много, пока, по крайней мере. Я должен немножко побыть один и хорошенько всё это обдумать.

— Пожалуйста, — улыбнулся музыкант. — Ты как хочешь, проснуться или дрыхнуть дальше?

— Даже не знаю, — помотал головой каюкер.

— Тогда спи.

Мир вокруг свернулся в точку. Она помигала, словно на прощание, и погасла. Иннот глубоко вздохнул во сне.

* * *

С легкой руки одного из старейшин, Грибка, большая часть мужского населения начала валить лес. Грибок, казалось, и сам был не рад тому, как всё вышло. Стоило только кому-нибудь отложить топор и присесть в теньке с трубочкой, как словно по волшебству рядом появлялся Свистоль. Шаман племени ничего не говорил — лишь смотрел укоризненно; но и этого вполне хватало. Уличенный в безделье тут же вскакивал и, бормоча оправдания, хватался за топорик. Непривычные к тяжкому труду смоукеры за день выдыхались так, что не имели сил даже покурить вечером — едва дотащившись до своих корзин, они падали на сено и отправлялись в страну сновидений.

— Так нельзя, уважаемый! — не выдержал наконец Большой Папа. — Вы же загоняете бедняг до смерти.

— Когда мы попадём в Вавилон, о тихой размеренной жизни можно будет забыть, — возразил Свистоль. — Там придётся крутиться с утра до вечера. Пускай привыкают.

— И всё-таки, я прошу: сбавьте обороты. Не то наши подопечные скоро совсем ноги протянут.

— Можно, например, устраивать выходной через день, — задумчиво предложил Свистоль.

— А что, это мысль! — оживился Папа. — Сделаем так: в выходные дни каждый работающий смоукер сможет покурить кальян.

Ход оказался верным: прослышав о знаменитом Папином кальяне, даже те, кто всеми способами отлынивал от работы, теперь стремились принять в ней посильное участие. Для курения сплели специальную корзину и установили очерёдность её посещения. Даже зелёная молодёжь, школьники — и те считали своим долгом потюкать несколько часов топориком смолистую древесину бородавчатых сосен, лишь бы быть допущенными к племенной реликвии. Родители Пыхи теперь готовили ароматный, похожий по консистенции на варенье, кальянный табак с утра до позднего вечера. Сам Пыха, не отставая от прочих, трудился, обрубая ветки со сваленных деревьев и ошкуривая кору. Когда топорик в очередной раз отскочил от плотного сучка и стукнул по пальцу (к счастью, не лезвием, а обушком), он прервался и, утерев вспотевший лоб, разогнул спину. Пора было отдыхать. Дуя на ушибленное место, он повернулся и увидел за своей спиной трех щуплых синекожих человечков. Они смущённо скалились, разглядывая юного смоукера.

— Хай, гью! Вот а ю дуинг?* [Привет, паренёк! Чем ты занят? *(пиджин)*] — наконец спросил один из них.

— Ушиб, вот и дую, — неприветливо отозвался Пыха. Он уже понял, кто перед ним — стибки, люди не слишком уважаемого племени стиб, что жило неподалёку. «И чего припёрлись? — мрачно подумал Пыха. — Только их нам тут не хватало».

— Ви вонт ту си ё босс!* [Мы хотим видеть вашего босса! *(пиджин)*] — произнёс другой.

— Ну и что, что бос, — начал раздражаться Пыха. — Ты сам, что ли, обут? Точно, стиб — не успел прийти, а уже издевается. Вот за это мы вас и не любим, между прочим.

Троица переглянулась. Похоже, сердитый тон Пыхи встревожил их.

— Папа, — раздельно произнёс один из стибков. — Ви. Вонт. Ту си. Ё мейн. Мост мейн. Биг Папа, андестенд?* [Мы. Хотим видеть. Вашего главного. Самого главного. Большой Папа, понятно? *(пиджин)*]

— А, так вам Большой Папа нужен? — сообразил наконец Пыха. «Мост ещё какой-то приплели», — подумал он.

— О йес! Папа! — просиял стибок. — Финэлли ю хез андестенд ми, ш-шит!* [О, да! Папа! Наконец-то ты понял меня, какашка!*(пиджин)*]

— Ладно, пойдёмте, — Пыха приглашающе махнул рукой. — И кстати: это не щит будет, а плот, а уж до финала работать и работать. Так-то вот!

— О май год!* [О мой бог! *(пиджин)*] — пробормотал один из стибков, разглядывая вырубку. Уже больше двух десятков ошкуренных стволов лежало в ряд на расчищенной поляне у деревни.

— Вам-то может и в самом деле — год ломай, — гордо ответил Пыха. — А мы вот за пару недель управились.

Рядом с Папиной корзиной он остановился и, строго бросив стибкам «стойте здесь», тихонько поскрёбся в днище.

— Заходи, — буркнул высунувший голову Свистоль. — Тебе чего?

— Тут эти пришли... — Пыха ткнул через плечо пальцем на посланцев. — Говорят, мол, Папа им нужен.

— Ага... — Свистоль, прищурившись, смотрел на стибков. — Вот оно что... Ладно, пускай зайдут. А ты ступай, вымойся как следует, — и, махнув приглашающе рукой, крикнул: «Кам он!»

Услышав родной язык, стибки оживились и с радостными улыбками полезли внутрь. Свистоль и Папа встретили их гробовым молчанием. Шаман, поджав губы, разглядывал синекожих человечков с таким видом, словно только что увидел какое-то на редкость противное насекомое. Большой Папа сидел в своей обычной позе — закутавшись в плед и надвинув на лоб плетённую из тростника шляпу. По его виду нельзя было понять, бодрствует он или дремлет. При виде столь нелестного приёма улыбки на лицах стибков увяли.

— Э-э... Мы хотели бы с вами поговорить, — наконец решился один.

— Очень интересно, — Свистоль без труда перешел на пиджин. — Ну, рассказывайте.

— Приятно встретить человека, который разговаривает на нашем языке, — вежливо произнёс один из послов.

— А что ещё мне остаётся делать? — пожал плечами шаман. — Вы же ни слова по-нормальному не понимаете, разве не так? Только на своём тарабарском пиджине и болтаете.

— Некоторые из нас понимают по-вашему, — жестом остановив оскорбившегося было товарища, как ни в чём не бывало ответил синекожий. — Но они слишком мелкая сошка для ведения переговоров. Поэтому послали нас.

— Так что же вы от нас хотите?

— Воды поднимаются, — начал стибок. Про себя Свистоль решил, что он в маленьком посольстве за главного. — И то, что защищает нас от невзгод, скоро превратится в ловушку. В силу этого мы не можем больше оставаться на наших исконных землях и хотим уйти. Но у нас нет возможности сделать это — выйдя за Железный Занавес, мы будем обречены.

— А кто вас просил хамить всем подряд из-за вашего Занавеса? — поинтересовался Свистоль. — Вот теперь и пожинайте плоды собственного злонравия.

— Мы просим вас о помощи, — понуро склонив голову, пробормотал стибок. — Наши племена никогда не жили в дружбе, но и открытой вражды между нами не было.

— Только потому, что мы не путешествуем мимо ваших земель. Стоит хотя бы раз оказаться с вами рядом, как повод для ссоры находится, причём очень быстро.

— У нас есть что предложить вам взамен, — заговорил дотоле молчавший стибок.

— И что же у вас есть такого, что может понадобиться смоукерам? Мне просто интересно, — добавил Свистоль. — Стибки никогда не славились ни мастерством своих ремесленников, ни силой и доблестью воинов...

— Это так, — гордо вскинув голову, ответил предводитель посольства. — Но у нас есть то, из-за чего нас не смеют тронуть ни дикие звери, ни воинственные племена.

— Это вы о Железном Занавесе? — усмехнулся Свистоль. — Ну, и как вы намереваетесь увезти его с собой?

— А нам и не надо увозить с собой Занавес, — вкрадчиво заметил стибок. — Достаточно иметь его семена и знать секрет быстрого проращивания. Переселение не будет длиться вечно, смоукер. Когда-нибудь вам придётся остановиться. И тут уж не обойтись без искусных воинов, способных защитить слабое племя, — если только не владеешь секретом Занавеса. Я не хочу обидеть наших будущих союзников, но вы тоже не слишком-то воинственный народ, верно?

— Это так, — Свистоль потёр подбородок. — Значит, ваше предложение — секрет Занавеса? А что взамен?

— То, что вы строите, — стибок махнул рукой в сторону вырубки. — Места в плавучей деревне.

— Места-а? — издевательски переспросил Свистоль. — То есть вы хотите, чтобы мы, смоукеры, надрываясь изо всех сил, соорудили плоты для всего вашего племени?! А вы и палец о палец не ударите! Ну уж нет, господа хорошие. Такое у вас не пройдёт!

— Мы бы построили плот сами, — почесал затылок стибок. — Но в наших местах нет таких деревьев. А выйти из-за Занавеса мы не можем — кругом кишат враги. Говорят, даже ладьи кипадачи видели неподалёку.

— Но вы же прошли, — пожал плечами шаман.

— Мы — искусные охотники, лучшие в своём народе! — гордо сказал стибок. — Ну или не самые плохие, во всяком случае, — добавил он тоном ниже.

— В общем, есть и хуже...

— Мы проскользнули тайными тропами и шли, скрываясь от любопытных глаз. И, даже несмотря на это, понесли потери.

— Потери?

— Да, один из наших товарищей погиб, причём недалеко от вашей деревни.

— Погиб? Здесь?! Что же с ним случилось?

— Ну, я бы не назвал это просто «погиб», — нервно вступил в разговор второй стибок. — Я бы сказал, это было полное дерьмо!

— Мы полдня продирались сквозь густые заросли и порядком устали. Так что когда мы вывалились на поляну и увидели одиноко стоящую избушку, то, недолго думая, решили попроситься на ночлег.

— Что это была за избушка? — с интересом спросил шаман.

— Обыкновенная старая избушка, где-то в часе ходьбы от вас, — стибок махнул рукой. — Примерно в том направлении.

Свистоль и Большой Папа переглянулись.

— Перегнида! — хором сказали они.

— Что?

— Эта избушка принадлежит злой ведьме. Проситься к ней на ночлег — не слишком хорошая идея! — пояснил шаман.

— Мы же этого не знали...

— Интересно... Что-то мы давненько не видали этой пакости над деревней...

— Век бы ещё не видеть. Да, ну и дела! И что же она сделала с вашим товарищем?

— Там никого не было, то есть, я хочу сказать, мы никого не видели, — стибок нервно хихикнул. — Но когда Талво взялся за ручку двери...

— Да... Мы ничего не успели понять...

— От него мало что осталось, надо полагать?

— Нет, осталось как раз довольно много, но...

— Слишком уж фрагментарно, — стибок поёжился. — И в основном на ближайших деревьях.

— Мы не стали это собирать и убрались оттуда как можно скорее.

— И, возможно, только поэтому остались живы, — добавил его товарищ.

— Сколько людей насчитывает ваше племя?

— Нужно вывезти... — стибок покопался в складках набедренной повязки и достал кусочек коры, — двадцать семь человек.

— Всего-то? — скрипнул из-под шляпы Большой Папа. — Раньше вас было больше.

— Столько мест нам необходимо. Остальные покинут Занавес другим способом.

— Каким?

— Ну... У каждого племени — свои секреты, — уклончиво заметил посол.

Свистоль помолчал.

— Нам надо посоветоваться.

— О, конечно! Мы можем пока остаться в вашей деревне?

— Можете. Это не займёт много времени.

Когда последний гость покинул Папину хижину, Свистоль нагнулся и некоторое время смотрел в щель между прутьями.

— Ушли, — сообщил он. — Хоть они и говорят, что не понимают по-нашему, — кто их знает на самом деле?

— Что скажете, доцент? — спросил Папа.

— Ну... В их словах есть определённый резон, не так ли?

— Так-то оно так...

— Секрет Железного Занавеса был бы нелишним для нас, как вы полагаете?

— Нелишним, — признал Папа. — Возможно, это действительно решило бы проблему защиты на новом месте.

— То есть в Вавилоне? Но кто позволит нам сажать там железную колючку?

— Вы неверно ставите вопрос, — усмехнулся Папа. — Кто может помешать нам это сделать, особенно если она уже будет посажена?

— Гм... Я не рассматривал вопрос с этой стороны. То есть вы хотите поставить городские власти перед фактом?

— Для начала я хочу просто добраться до города, — веско сказал Папа. — Это представляется мне наиболее сложным. А что там будет дальше... Да справимся, в конце концов. Честно говоря, меня больше беспокоит другая проблема.

— Какая же?

— Сами стибки.

— О-о...

— Сможем ли мы выносить друг друга долгое время?

— Да, это проблема. А давайте-ка спросим молодого Пыху.

— Почему вдруг его?

— Паренёк время от времени высказывает здравые мысли; и куда чаще, чем наши старейшины, не в укор им будь сказано... В конце концов, мы уже говорили об этом: племени смоукеров нужен предводитель, и желательно из молодых, а не старый пень вроде нас с вами...

— Хотите переложить ответственность на его плечи? — Папа неодобрительно хмыкнул.

— Рано или поздно настанет момент, когда мы уже не сможем их опекать... — тихо сказал Свистоль.

— Что ж, вы правы. — Папа покряхтел. — Зовите его сюда...

Пыха выслушал рассказ, шмыгнул носом и поправил кепку.

— Ну, это... Защита вещь хорошая, конечно... Думаю, ради такого и стибков не грех потерпеть... А не обманут?

— Я им обману! — грозно посулил Свистоль. — Эй вы, стибки!

Усевшиеся неподалёку на корточки послы вскочили. И тогда Папа громко, так, чтобы слышали все, кто был поблизости, рявкнул:

— Мы согласны!

И добавил, перейдя на пиджин, уже потише:

— Ви ар эгри!

Глава 3

Несмотря на все предпринимаемые меры, вода подкралась к деревеньке смоукеров незаметно. Как-то рано поутру Свистоль откинул кожаный полог, закрывавший корзину от ночной влаги, потянулся, широко раскинув руки, зевнул, снисходительно посмотрел по сторонам... И остолбенел. Там, где ещё вчера солнечные зайчики весело играли в пятнашки среди мхов и опавшей хвои, теперь плескалась вода. Лёгкий утренний ветерок морщил её зеркальную поверхность, туманная дымка заволакивала дали. Высоко подскакивая и поднимая фонтаны брызг, шаман побежал будить Большого Папу.

— Ага. Ну, вот и началось... — с некоторым даже удовлетворением отметил тот, озирая пейзаж.

Встающее солнце весело искрилось в пока ещё мелкой воде, со всех сторон обступившей деревню. Вскоре все смоукеры были на ногах. Над корзинами поднялся первый, утренний дымок. Взрослые закуривали трубки, дети, рассевшиеся, словно птицы, на ветках, — папиросы и самокрутки, и все задумчиво взирали на залитые водой пространства.

— Это... Не предупредили нас, ничего... Что ж это за дела? — расстроенно охал Грибок.

Первая половина дня прошла в хлопотах по хозяйству. Смоукеры перетаскивали на огромные плоты нехитрый скарб с общинного склада, самые осторожные перевешивали свои корзины на те ветки, что повыше. Ближе к вечеру стали возвращаться по одному, по двое охотники — мокрые и крайне смущённые.

Жизнь постепенно входила в новую колею. Всё чаще смоукеров можно было застать с удочкой: рыба на мелководье ловилась на удивление неплохо. Кроме того, долгие часы, посвященные вдумчивому наблюдению за поплавком, как нельзя лучше подходили для неторопливого раскуривания трубки. Мужчины племени, и прежде не очень-то жаловавшие хлопоты по хозяйству, теперь всегда могли отговориться рыбалкой. Всё, пожалуй, обернулось бы к лучшему, но вода прибывала и прибывала...

— Завтра придётся собрать весь табак, — мрачно заметил Свистоль, ежедневно отмечавший границу суши маленькими колышками.

— Да уже большая часть урожая собрана, — ответил ему Каламбур, отец Пыхи. — Остался только тот, что пойдёт на семена.

— Хорошо бы все саженцы в горшочки — да на плот...

— Хорошо-то хорошо, но, сам понимаешь, много саженцев на плоту не уместится.

— Ты у нас лучший табаковод племени. Отбери самые хорошие...

— Это всё уже сделано, — Каламбур почесал кончик носа. — У меня даже ленточками помечено, какие первыми выкапывать. Слушай, шаман... А что Великий Табачный Дух? Благоволит ли нашему походу, и вообще?

— Конечно, — как можно более убедительно ответил Свистоль. — Вчера я совершил глубокий смоук и говорил с Никоциантом. Он одобрил принятые решения и обещал способствовать их дальнейшему претворению в жизнь. Великий Дух отметил высокие моральные качества и сплочённость нашего коллектива на пути к неуклонному...

Каламбур слушал с полуоткрытым ртом; по бороде протянулась тоненькая ниточка слюны.

— В общем, всё будет хорошо, — закруглился Свистоль.

— О-о! Ты и вправду великий шаман! — пробормотал Каламбур, с огромным уважением взирая на собеседника.

Свистоль почувствовал неловкость:

— Ну полно, полно! И знаешь что? Давай займёмся саженцами прямо сейчас.

Решение это, как оказалось, было принято как нельзя более кстати: облака всё сгущались и сгущались, а к вечеру разразилась страшная гроза. Вода стала подниматься с неслыханной быстротой: через несколько минут корзины, висевшие на нижних ветках деревьев, оказались подтопленными. Люди прыгали в воду, неся на головах свои скудные пожитки, и вплавь пускались к плотам. Кто-то уже во весь голос звал потерявшегося ребёнка, кто-то с маниакальным усердием пытался раскурить трубку, чиркая одну за другой подмокшие спички.

— Все сюда! — перекрыв на миг шум ливня, раздался крик.

Пыха, стоя под навесом одного из плотов, размахивал над головой фонариком, сделанным из высушенной тыквы.

Маленький огонёк метался из стороны в сторону, вот-вот готовый угаснуть, но всё же не гас. Смоукеры плыли на свет и, кряхтя, карабкались на мокрые брёвна. Женщины тут же успели из-за чего-то устроить громкий скандал. Наконец всё кое-как утряслось. Всего плотов было четыре. Последний, самый маленький, предназначался для остатков племени стиб. На каждом был установлен крытый широкими листьями навес, защищающий от солнца и дождя. Всё самое ценное: кувшины с табаком, запасы чая и провизии, ткани — помещалось в плетёные короба и подвешивалось на стропилах. Рассортировав свои пожитки, смоукеры стали укладываться спать. Недовольное бормотание потихоньку смолкло, красные огоньки трубок и самокруток гасли один за другим.

К утру гроза умчалась прочь. Едва первые солнечные лучи озарили сверкающий миллионами капелек влаги, — умытый дождём лес, как смоукеры начали просыпаться. Устроившийся у самого края навеса Пыха, открыв глаза, с интересом наблюдал за проплывающим мимо плота незнакомым, мохнатым и, по-видимому, очень недовольным жизнью зверем. Рядом кто-то завозился, забормотал сердито, чиркнул спичкой. Скосив глаза, Пыха узнал Грибка. Старейшина хмуро посмотрел на Пыху, что-то невразумительно буркнул и, глубоко затянувшись, выпустил густой клуб дыма. Пыха полез было за своей трубкой, но, вспомнив, что табак надо экономить, вздохнул и спрятал её обратно. Грибок, глядя на это, только крякнул: «Эх, дожили!»

Вода поднялась почти на три метра. Старый Гоппля, худой, жилистый, в одной набедренной повязке, вышел из-под навеса и принялся делать зарядку. Глядя на него, Грибок поёжился и плотнее закутался в одеяло.

— Вставай, Грибыч! Погреемся! — приветствовал его Гоппля, насмешливо улыбаясь. — Давай, вылезай, чего надулся!

Грибок лишь фыркнул презрительно. Гоппля подошел к краю плота, присел на корточки и, с силой оттолкнувшись, нырнул, подняв фонтан брызг. Его седая голова появилась из-под воды в десятке метров.

— Водичка — блеск! — громко отфыркиваясь, во всеуслышание объявил он. — Эй, молодёжь, вылезай купаться! Быстренько, быстренько в воду!

— Давайте, пока есть возможность, — одобрил Свистоль. — На реке такие крокозябры водятся, не больно-то поплаваешь!

Смоукеры один за другим просыпались. Когда над плотами возникли и потянулись вверх первые клубы табачного дыма, Большой Папа, охая и покряхтывая, взобрался на крышу навеса.

— Курильщики табаку! — неожиданно звучным голосом провозгласил он. — Заканчиваются последние минуты нашего пребывания на родной земле! Старейшие из вас ещё помнят, как мы пришли сюда и основали эту деревню. Это была хорошая деревня; и место это тоже хорошее, правильное! Теперь же мы уходим навстречу неведомым опасностям, но нам ли их бояться! Мы всё преодолеем и ещё курнём славного табачку, одолжив огоньку друг у дружки!

Молодёжь захлопала в ладоши и заулюлюкала радостно; старики улыбались. Даже Грибок после Папиных слов стал выглядеть не столь хмуро, с робкой надеждой взирая на него: никогда ещё Папа не разговаривал так торжественно. «Курильщики табаку», надо же!

— Смоукеры! — продолжал Папа. — Вы все уже знаете, что мы плывём в Вавилон. Там, в этом великом городе, мы заживём новой жизнью, и будет она, я надеюсь, ещё лучше прежней! Но на время пути нам надо избрать того, кто станет командовать нашей флотилией. Ибо дорога предстоит нелёгкая, и нам не обойтись без надёжного... э-э... адмирала!

— Тебя! Тебя изберём, Папа! — кричали ему.

— Нет-нет, друзья мои! — покачал головой Папа. — Я уже стар; глаза мои не те, что прежде. Нам нужен молодой флотоводец! И я предлагаю... — тут он сделал паузу.

Смоукеры зашушукались.

— Предлагаю выбрать Пыху! Он молод, но умён не по годам, и никто, я думаю, не сможет возразить против того, что уж он-то — правильный смоукер!

Физиономию умного не по годам Пыхи медленно заливал густой румянец.

— То-то, что молод... — проворчал Грибок; но молодёжь встретила заявление Папы радостными воплями.

— Согласны ли вы? — с улыбкой, прячущейся в бороде, спросил Папа.

Старейшины хмыкали и кряхтели, пряча глаза: никто не решался возразить Папе в открытую.

— Вот и славно, — как ни в чём не бывало подвёл итог самый правильный смоукер. — Давай, Пыха, приступай к своим новым обязанностям...

— Это я называю — давить авторитетом! — прошептал на ухо Папе Свистоль, когда тот спустился с навеса.

— Ну... Мы же с вами решили, что будем потихоньку продвигать парня, — чуть смущённо ответил Папа.

Смоукеры взялись за вёсла. Пыха, стоя на носу, пытался освоиться в новой роли. Сперва плыть было легко: плоты шли над вырубками, затем над затопленной деревней, лишь изредка задевая днищами скрытые водой ветки. Одна из корзин вдруг всплыла, рассеивая вокруг клочки сена, и закачалась на воде. Племя радостными воплями приветствовало это зрелище.

— Гляди, гляди, поплыла!

— Здорово!

— Чья же это? Гоппля, не твоя, часом? Уж больно неугомонная!

Последнее заявление было встречено взрывом хохота. «Что за странный народ! — думал Папа. — Сколько уже живу среди них — и всё не могу привыкнуть. За эти годы я должен знать каждого как облупленного; ан нет! Казалось бы, сейчас им только горевать да оплакивать свою злосчастную судьбу. А они покуривают да веселятся! Неужели и вправду — чем меньшим ты владеешь, тем легче и радостнее тебе живётся? Я никогда не был безоговорочным сторонником данной концепции, но сейчас готов признать, что в ней что-то есть».

Сразу за деревней начинались высокие заросли кустарника, сейчас еле виднеющегося над водой, и там плоты в первый раз забуксовали. Смоукеры попрыгали в воду и, подбадривая друг друга криками, стали проталкивать их сквозь тугое сплетение ветвей. Те сердито скребли по днищу, не пускали с насиженных мест... Гребцы налегали на вёсла. Пару раз пришлось взяться за топорики. Внезапно между деревьями замаячил просвет.

— Река! Река! — радостно загомонили все; и тут откуда-то из густой хвои над плотом послышался вопль:

— Стойте!!!

Охотники, присев от неожиданности, схватились за духовые трубки.

— Подождите! Доунт шут! Нихт шиссен!! Возьмите меня с собой!!! — по стволу склонившейся над водой бородавчатой сосны торопливо слезала какая-то всклокоченная личность.

— Нихт шиссен, майне либен зольдатен! — приветливо откликнулся полиглот Свистоль, с любопытством разглядывая странную фигуру.

Та спрыгнула прямо на плот, изо всех сил прижимая к груди завернутый в лохмотья свёрток.

— Защиты и справедливости! — прошептал незнакомец, испуганно таращась на смоукеров.

— Гм... Так кто ты такой и что случилось? — спросил Свистоль, сворачивая «козью ногу».

Всклокоченный радостно её принял, судорожно затянулся и принялся рассказывать. По словам странного человека, выходило, что он уже больше месяца скитается по лесу, не рискуя возвращаться к своему жилью. На вопрос, что же его так пугает, он ужасно занервничал, поперхнулся дымом и закашлялся, таращась в пространство налитыми кровью глазами и шепча: «Она, она, это всё она!»

— Ну что вы пристали? Видите же, человек не в себе, — тихонько сказал Папа на ухо шаману.

Чужак, однако, кое-как справился с волнением и, поминутно сбиваясь, поведал об упавшем прямо с неба жутком чудище. Он, Отшельник, человек безобидный и мирный, никак не ожидал такого! Поспешным бегством ему удалось спастись самому и спасти книгу, труд всей своей жизни, — тут он нежно погладил тряпичный свёрток.

— И с этих самых пор ты не решаешься вернуться домой? — жалостливо качая головой, спросил Грибок. — Так-таки целый месяц?

— Может, и больше, не знаю! — содрогнулся Отшельник. — Я заблудился, бродил по лесам, искал хоть какие-то ориентиры... Недавно забрёл в ваши места. А тут ещё потоп, потом эта страшная буря... Я всю ночь не сомкнул глаз, защищая мою книгу от влаги. Хорошо, попалась эта сосна, — он кивнул на дерево. — Там удобные ветки, будто специально так устроены — можно сидеть, не опасаясь свалиться. Как в кресле!

— И куда же ты теперь? — поинтересовался Папа.

— Я это... Я с вами... Если можно, конечно, — опасливо косясь на обступивших его любопытных смоукеров, отвечал незнакомец.

— Отшельник, да ещё философ, да к тому же и грамотный — большая редкость в наши дни, герр адмирал, — пробормотал Свистоль, подталкивая Пыху в бок. — Негоже бросать его в лесу, э?

Отшельник умоляюще сложил лапки на груди и преданным взором уставился на молодого смоукера, часто помаргивая.

— Ты это... — сообразил Пыха. — Ты можешь остаться, да? Ну... э... ступай на последний плот; будешь помогать нашим.

Отшельник, бормоча благодарности, испарился.

Затянули старинную смоукеровскую походную песню: «Ос-тавь по-ку-рить! Ос-тавь по-ку-рить!»* [Полный текст.] Вёсла в руках гребцов поднимались и опускались ей в такт. Маленькая флотилия вышла наконец на простор разлившейся по лесу безымянной речки.

* * *

Иннот проснулся и некоторое время не мог сообразить, где он находится. Наконец в памяти всплыло: поединок на крыше, полёт — и его собственное оригинальное появление на обезьянской вечеринке. Он в доме у бойца реслинга. Как его... Дуит Лопа. Точно.

Я не привык относиться к своим снам серьёзно, размышлял каюкер, усаживаясь на диванчике. Однако то, что произошло этой ночью, — больше, чем просто сон. Любопытно, у меня начинается раздвоение личности или... Вот это «или» больше всего смущало Иннота. Если предположить, что он здоров, значит, — всё, что говорили странные двойники в его сне, соответствует действительности. И это тогда объясняло многое...

— Однако же... — вслух сказал он, потягиваясь, — на данный момент у меня есть куда более насущные проблемы.

Итак, ухайдакер. Первый раунд, можно считать, закончился вничью. Правда, если бы не его маленькая тайна, о которой Иннот и сам не подозревал, он стал бы для каюкера последним. Что же... Враг умён. Не найдя мёртвого тела на камнях университетского дворика, он наверняка поймёт, что противнику удалось каким-то образом ускользнуть. Значит, он будет наготове. Одно хорошо: о теперешнем местонахождении Иннота Подметала не имел представления. Не попросить ли мне здесь убежища на несколько дней, подумал Иннот. Впрочем, он тут же отверг эту мысль. Его вчера видела уйма народу. Скорее всего, уже к вечеру тайна перестанет быть тайной. Значит, надо подыскать себе новое жильё. И ещё — встретить Хлю. «Махагония», по идее, должна прибыть в аэропорт. Правда, эта буря... Ну, будем надеяться на лучшее. В конце концов, парень в надёжных руках. Вспомнив Адиррозу, Иннот ухмыльнулся — хотя и не очень весело. В его собственной личной жизни была парочка любовных романов — бурных, но весьма кратковременных. Наверное, для меня моё ремесло действительно самое важное в жизни, подумал он. По крайней мере, самое интересное.

Найдя хозяина и щедро расплатившись с ним за разбитое окно, Иннот поинтересовался по поводу своего приятеля — гориллоида.

— Гро ушёл примерно час назад, — зевнул Лопа. — Правда, что странно, не со своей новой пассией, а с майором.

— Думаю, девочка сейчас просто не в состоянии передвигаться, — подмигнул Иннот.

— Ну да, скажешь тоже! — хохотнул хозяин. — Да она сама любого заездит до полусмерти! Проверено на собственном опыте!

Размышляя об особенностях обезьянского промискуитета, Иннот покинул гостеприимный дом и направился по одному ему известному адресу. Самым первым делом следовало позаботиться об оружии.

За ночь ураган умчался прочь. Гроза отбушевала, и теперь утреннее солнце вовсю трудилось над мокрыми крышами и тротуарами. Золотистый туман поднимался вверх, обнажая умытый город. Кое-где на улицах валялись куски битой черепицы и сломанные ветки. Один раз путь каюкеру преградило вывороченное с корнями дерево, упавшее поперёк улицы. Около него уже толпилась кучка народу с пилами и топорами. На одном из балконов, зацепившись рукояткой, висел сломанный васильково-синий зонтик.

Переходя по изящному каменному мостику один из многочисленных каналов, Иннот покачал головой. Похоже, вся дрянь, вымытая с городских улиц, нашла себе там приют. Листья, обрывки бумажек, пустые бутылки и прочий сор покачивались в воде почти вровень с тротуарами. Вернётся Хлю, и надо будет вместе посмотреть газеты, подумал каюкер. Такой паводок просто обязан был выгнать из-под земли очередного мерзкого монстра. Если только найдётся желающий заплатить, можно поохотиться на него вдвоём.

— Мы маньяки, парень,
А это значит,
Что не страшны нам ни горе, ни беда.
Ведь ты маньяк, парень,
Маньяк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда, —

напевал Иннот.

Этот квартал Вавилона был заселён приверженцами растафарианской церкви. Нескончаемые ритмы джанги, ползущие в открытые окна с магнитофонных бобин, яркие граффити, густым слоем покрывающие стены домов от тротуара до крыши, и неистребимый запашок

умат-кумара на лестницах и в подворотнях — казалось бы, такое место просто обязано быть рассадником преступности. Но, как ни странно, растафарианский квартал слыл одним из самых мирных и безопасных. Местная стража добродушно закрывала глаза на некоторые вольности, связанные с курением, за что любой патрульный наряд удостаивался многочисленных приветствий и улыбок. Увидав в одной из витрин разнообразной формы и величины кальяны, Иннот усмехнулся и достал из кармашка пончо свою трубочку. Во время вчерашних событий она каким-то необъяснимым образом не вывалилась оттуда. Закурив, каюкер свернул в одну из подворотен и постучался в низенькую дверь. Некоторое время ничего не происходило. Иннот снова поднял руку, но тут за дверью послышались шаркающие шаги, и чей-то недовольный голос произнёс:

— Кока моня!

— Тока-кока нюня! — ответил Иннот условной фразой.

Зазвякала цепочка, и дверь немного приоткрылась.

— А, это снова ты, — пробурчал хозяин. — Пива, случайно, не принёс?

Иннот молча развёл руками.

— Ну ладно. Надеюсь, у тебя есть что-нибудь, способное меня порадовать.

— Как насчёт денег? — спросил каюкер, входя. — Раньше, помнится, они тебя радовали.

— Ничего-то ты не понимаешь, — снисходительно отозвался впустивший его.

Это был высокий, одетый в пёструю хламиду растафари. Многочисленные талисманы и амулеты звякали при каждом движении, шапка густых курчавых волос венчала добродушное тёмно-коричневое лицо. Бородка хозяина была заплетена в две короткие косички.

— Чего это я не понимаю? — поинтересовался Иннот.

— Деньги — это не источник радости, это всего лишь то, что способно примирить меня с окружающим миром. А радость — это совсем другое...

— Холодное пиво?

— Да, например... Холодное пиво и горячие женщины. Тут очень важно не перепутать! — он поднял к потолку палец.

— Но деньги имеют такую особенность... — гнул своё каюкер, — у того, у кого они есть, и пиво, как правило, холоднее, и женщины горячее...

— Да-да, так называемый эффект монетарной энтропии, — кивнул хозяин.

Иннот некоторое время размышлял над сказанным.

— Нет, ты что-то путаешь, — наконец сказал он. — Эффект монетарной энтропии состоит в том, что, какая бы сумма ни была у тебя на руках, она с течением времени постепенно уменьшается.

— Э, погоди, давай-ка разберёмся, — растафари пощипал бородку. — То, что ты сейчас сказал, это не монетарная энтропия, а первый постулат зарплаты, из которого выводится основной парадокс получаемых денег, а именно — сколько бы тебе ни платили, этого всё равно мало, потому что скорость рассеивания всегда на порядок больше скорости накопления, причём так называемый отрицательный прирост, или коэффициент возрастания долгов в этом случае...

Тут Иннот наконец заметил, что хозяин изрядно под кумаром. В этом состоянии он мог часами рассуждать на подобные темы, причём с многочисленными и невероятно нудными подробностями.

— Ладно, — прервал он растафари. — Я, собственно, зашел глянуть, нет ли у тебя чего-нибудь новенького в интересующей меня области.

— В интересующей тебя области... — задумчиво протянул хозяин.

— Оружие, — напомнил Иннот.

— Ну, недавно я получил партию стоеросовых дубинок с довольно оригинальными набалдашниками, но тебя ведь такие простые штуки не интересуют?

— Стоеросины — нет. А впрочем... Есть у тебя что-нибудь мощное и короткое? Что-нибудь такое, что легко можно спрятать под пончо?

— Есть «Магнум полис спешиал». Длина — один локоть, в головку залито полстакана свинца, полностью обтянута замшей. На рукоятке широкая петля, кстати, самозатягивающаяся.

— Полстакана свинца, говоришь? Малость тяжеловато. К тому же я предпочитаю не стражнические с гладкой головкой, а остроконечные армейские.

— Это самая короткая из всех. Может, тебя устроит трость? Хотя да, трость ты у меня, помнится, уже покупал.

— Кстати, она сломалась.

— Сломалась? Стоеросовая трость?! Великий Джамбалла, что же ты ею делал?

— У тебя найдётся что-нибудь в этом роде, только потолще? Из официально разрешённого, я имею в виду.

— Потолще — вряд ли. Закон об оружии, сам понимаешь... Либо прячь от чужих глаз, либо ходи с тонкой тростью.

— А из экзотики есть что-нибудь?

— Что конкретно тебя интересует? Ударное, метательное, бормотологическое?

— Даже не знаю, — промолвил каюкер. — Вообще, чем экзотичнее, тем лучше.

— Тебе для коллекции? Или...

— «Или».

— Гм... Пожалуй, вот что тебе надо! — хозяин быстрым шагом подошел к стоявшей посреди комнаты тахте и, нажав незаметную щеколду, раскрыл её.

С обратной стороны матраса был приделан обтянутый бархатом щит. На нём в строгом порядке располагались разнообразные убивалки. Аккуратно сняв одну, растафари протянул её Инноту.

— Бумеранг?! — Каюкер с неподдельным интересом рассматривал гладкую поверхность.

— Угу. Настоящий чёрный роммель, не какая-то там тонированная подделка! Видишь эти медового цвета прожилки? Ну, как тебе?

Иннот взвесил оружие в руке:

— Надо бы испытать сначала... А, ладно, беру. А что тут у тебя ещё?

— Да всякий хлам, — улыбнулся растафари. — Сбагрить нереально, а выкинуть жалко. Кстати, есть у меня одна волшебная штуковина, про которую я не знаю, что это такое. Могу уступить по дешёвке. Только, чур, без гарантий!

— Ну, покажи.

Растафари порылся в письменном столе и извлёк на свет маленький, тёмного стекла, флакон с запаянным горлышком.

— А с чего ты взял, что это вообще оружие? — поинтересовался Иннот, осторожно проводя над вещицей ладонью.

Некая магия в бутылочке определённо присутствовала, но сказать что-либо конкретное он не мог.

— Да не знаю я! — растафари прижал руки к груди. — Честно говорю, что ничего по поводу этой штуки не знаю. Может, это вообще такое лекарство от геморроя. Мне её подарил по укурке один клёвый чувак, но он сейчас тянет срок на кофейных плантациях, так что спросить некого.

— Ладно. Сколько ты за неё хочешь?

— Если возьмёшь дубинку, отдам бесплатно, в довесок.

Каюкер поразмыслил.

— Нет, старина. Всё-таки она слишком тяжелая. Давай лучше я куплю у тебя ещё одну трость.

— Ну как хочешь. Тебе с каким набалдашником?

— Лучше с самым простым, деревянным.

Растафари усмехнулся:

— Либо костяной шар, либо серебряный крючок, старина. Выбирай.

— Тогда костяной шар, — решил Иннот. — И этот волшебный прибамбас в подарок.

— Ладно, идёт. — Хозяин небрежно пересчитал монетки и, кивнув в сторону небольшого наргиле, сделанного из тыквы-горлянки, предложил: — Раскумаримся?

Каюкер покачал головой:

— Нет, мне нужна ясная голова.

— А чего ты такое куришь? — полюбопытствовал растафари.

— Махорку.

— Махорку?! — удивился растафари. — Но ею же пересыпают стропила, чтобы там не завелись всякие жучки-древоточцы!

— А ты попробуй как-нибудь, курни!

— Что, здорово вставляет? — хозяин не на шутку заинтересовался.

— Да нет, — пожал плечами Иннот. — Никаких глюков. Просто помогает скоротать время.

Ну что же, сказал себе каюкер, оказавшись на улице. Хорошая трость, стеклянная граната и бумеранг — не так уж и плохо. Уже можно потягаться с Подметалой на равных. Плюс ещё новообретённая способность летать... Кстати, неплохо было бы обзавестись велосипедными шортами. Конечно, набедренная повязка привычнее, но, с другой стороны, велосипедки замечательно растягиваются, и не нужно будет изображать из себя эксгибициониста каждый раз, раскрывая перепонку. Он остановился, припоминая, где находится ближайшая лавка спорттоваров; и в этот самый момент из стоявшей неподалёку телефонной кабинки раздался звонок.

Глава 4

По лесу разносилась тревожная дробь тамтамов. Поскольку всякий уважающий себя охотник джунглей должен понимать телеграфный код (так считал Свистоль), азбуку Морзе изучали в смоукеровской школе. И сейчас, вслушиваясь в разносящееся над рекой стаккато, он шевелил губами, припоминая расшифровку. «В-с-е-м, запятая, к-т-о н-а-с с-л-ы...»

— Чего хоть передают-то? — Пыха плюхнулся рядом с шаманом.

Юный смоукер потихоньку начал осваиваться в новой роли; по крайней мере, такого пиетета по отношению к Свистолю и Большому Папе, как раньше, он уже не испытывал. Пыха пока не слишком хорошо понимал, что от него ожидают. Направление на ближайшие несколько дней было известно — они поднимались вверх по течению, туда, где рос знаменитый Железный Занавес и обитало племя стиб.

— А сам-то что, код забыл? — мягко пожурил адмирала Свистоль.

Пыха громко зевнул и почесался.

— Да не то чтобы забыл, просто вслушиваться лень, — признался он.

— А вот я сейчас возьму да и назначу тебя, до кучи, главным телеграфистом на всё время путешествия, — задумчиво промолвил Свистоль после долгой-долгой паузы. — И каждый час будешь нам всем докладывать, что нового слышно.

Пыха заёрзал.

— Нельзя так с людьми поступать, — буркнул он. — Не по-смоукеровски это.

— С некоторыми отдельными лентяями только так и можно. Давай-ка, вспоминай, чему вас учили!

— Гм... — Пыха вслушался в далёкое глуховатое таканье. — Значит... «М-ы-с-о-в-с-е-х-с-т-о-р-о-н-о-к-р-у-ж-е-н-ы-в-о-д-о-и краткое» Мы... Со всех сторон... Окружены водой, так, что ли?

— Угу. Они это всё время гонят в эфир. Остров, мол, у них маленький, и всё такое. Просят помощи.

— Так, может, возьмём их к себе?

— Нет, — жестко ответил шаман. — У нас договорённость со стиб. А места и так мало.

— Ну, потеснимся...

— Слушай, ты ведь в охотниках совсем недавно, так?

— Верно, — Пыха героически шмыгнул носом. — А что?

— А то, что ты и понятия не имеешь, кто там, на острове. Может, они с радостью покидают нас всех в воду, а сами поплывут по своим делам.

— Ну да! — не поверил Пыха.

— Всякое может быть. Стибки, конечно, тоже не подарок, но всё же никогда не поступят подобным образом.

— Гм... А за что их все так не любят? Я только и слышу: стиб такие, стиб сякие... А попросишь кого-нибудь про них рассказать — сморщатся, как будто вместо табаку мох в трубку забили.

— Да пакостники потому что, — с досадой сказал Свистоль. — Другие племена, они как? Если чужака увидят — тот для них либо враг, либо добыча. То есть или бежать от него надо и прятаться, или, наоборот, в плен там брать или ещё что... А для стиб ты просто ходячий прикол. Как начнут издеваться... Мимо них даже плавать по реке перестали, через опасные места теперь пробираются, в обход.

— Зачем они так делают?!

— А зачем мы курим? — пожал плечами Свистоль. — Они иначе просто не могут. Им это в удовольствие.

— Странно как-то, — вздохнул Пыха. — Ну, если два племени поссорились да на тропу войны вышли — оно понятно: копья там, дубинки у всех. Они быстро разберутся, — кто был не прав. А стибки что же? Раз их все так не любят, объединились бы и того...

— А Железный Занавес на что? Если б не он, давно бы уже их всех повывели.

— Да что это за Занавес такой? Сколько уже слышу: Железный Занавес, Железный Занавес...

— Ты сам скоро всё увидишь. — И шаман замолк. Поняв, что от Свистоля больше ничего не добьёшься, Пыха пристал с расспросами к Большому Папе. Однако тот лишь усмехнулся в густые усы:

— Спустя пару дней узришь сию диковину собственными глазами, молодой человек.

Плоты двигались на север. Широко разлившаяся река затопила все окрестные леса — словно безбрежное, на диво мелкое море. Не раз и не два навстречу смоукерам попадались островки, буквально кишевшие разнообразной лесной живностью. Многих зверей не знали даже самые опытные охотники. Большой Папа в таких случаях снисходительно разъяснял, что это за животное, каковы его повадки и опасно ли оно. Несмотря на обилие дичи, смоукеры почти не охотились; зато все поголовно стали рыбачить. Это занятие как нельзя лучше соответствовало их спокойной и созерцательной натуре. Те, кто не грёб в данный момент вёслами, обязательно забрасывали с кормы удочку. Рыбы попадалось не так чтобы много, но вполне достаточно для хорошей ухи. В основном это была мелочь, однако Грибок неожиданно произвёл настоящий фурор, выловив здоровенного, в половину собственного роста леща. Посмотреть на диковину собралось, почитай, всё племя. Гоппля, весьма гордившийся своим рыбацким счастьем (ему везло значительно чаще других), только покрякивал в бороду. Грибок же довольно посмеивался.

Первая ночевка на реке прошла спокойно. Ввиду чужих мест решено было выставить часовых. Свистоль посоветовал Пыхе поставить опытных охотников, однако адмирал внезапно застеснялся командовать смоукерами, годившимися ему в отцы, и отправил на дежурство знакомую молодёжь. Увидев это, шаман неодобрительно покачал головой, но спорить не стал. Между тем вчерашние школьники, страшно гордые поручением, всю ночь не сомкнули глаз. Один раз, ближе к рассвету, часовые на последнем плоту подняли тревогу: почудилось им в тумане некое движение. Смоукеры заполошно повскакивали со своих мест, однако тревога оказалась ложной: мимо всего лишь проплывало старое, подточенное водой дерево. Разбуженные старики, разумеется, тут же стали ворчать, перемывая дозорным косточки, и ворчали до тех пор, пока Пыха, которому всё это время что-то не давало покоя, попросил умудрённых опытом объяснить, отчего это упавшие деревья плывут вверх по течению, а не вниз. Все с опаской стали вглядываться в туман, однако ничего нового не происходило. Купаться в это утро никто не решился.

С первыми же солнечными лучами тронулись в путь. Острова — и совсем крошечные, еле выступающие над водой пятачки, и огромные, похожие на исполинских зверей, заросшие тёмной щетиной леса, встречались всё чаще. Привычные породы уступили место каким-то незнакомым деревьям с невысокими, но очень толстыми стволами и разлапистыми ажурными листьями. Синие, как вечернее небо, зимородки молниями срывались с них и пронзали серебристую водную гладь, унося в хитросплетения ветвей свою трепыхающуюся добычу. Берега сузились, потом вдруг разошлись широко, открывая обширные, заросшие камышом пространства. Сейчас только верхушки рогоза торчали из воды, коричневые бархатные цилиндрики, уже начавшие рассеивать по воде свой невесомый пух. Неожиданно река разделилась на два рукава. Пыха озадаченно нахмурился и остановил гребцов. Один за другим плоты подходили к своему флагману и останавливались, чуть покачиваясь на мелкой волне.

— Куда теперь? — спросил Пыха у бывалых охотников.

— Ну, это... Когда я здесь был в последний раз, река не раздваивалась, — задумчиво сказал Дымок, опытный (по смоукеровским меркам) путешественник. — Заводь тут была — это да.

— Справа она была или слева?

— Это... Слева вроде.

— Вроде или точно?

— Да не помню я! — смущенно пожал плечами Дымок. — По-моему, слева.

— Гм. Ну ладно. Значит, нам по правой протоке.

Плоты двинулись вперёд. Спустя какое-то время Свистоль отозвал адмирала в сторонку.

— Хочу дать тебе один хороший совет, молодой человек, — тихонько сказал он. — Причём равно пригодный для войны, любви, охоты и путешествия.

— И что же это за совет? — с любопытством спросил Пыха.

— Его ещё называют «первое правило начальника».

— Это, случайно, не «я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак»?

Свистоль поперхнулся:

— Где это ты такое услыхал?!!

— От Отшельника, — довольный произведённым впечатлением, хихикнул Пыха.

— Нет. Правило на самом деле такое: никогда не показывай другим своей неуверенности. В любви — девушка от тебя отвернётся, предпочтёт другого, уверенного в себе; на охоте — зверь почувствует твою слабину, на войне и в путешествии — люди не пойдут за тобой. Такие вот дела.

— Но если я и в самом деле не знаю, что делать? — хмыкнул молодой смоукер.

— Ты можешь не знать. Но другие не должны этого заметить, понимаешь? Просто сострой каменное лицо и...

На этом месте пояснения шамана были прерваны. Река сделала очередной поворот, и смоукеры вдруг в один голос загомонили, тыча пальцами в сторону берега. Пыха всмотрелся.

Некогда здесь возвышался песчаный обрыв, усеянный тысячами стрижиных норок. Сейчас он полностью скрылся под водой, и на диво густой кустарник, усеянный мелкими, отливающими голубизной листиками, казалось, вырастал прямо из реки. Но не это стало причиной удивлённых возгласов: низко над лесом парила в воздухе серебристо-серая исполинская туша, похожая чем-то на огромную пузатую рыбину. Маленькие фигурки поспешно карабкались вверх по тонкой верёвочной лестнице, одна за другой исчезая в продолговатой гондоле дирижабля. На глазах изумлённых смоукеров сигара летучего корабля величаво развернулась и плавно поплыла над лесом, поднимаясь всё выше и выше.

— Ну, вот и приплыли, — сказал за спиной Пыхи Свистоль. — Быстрее, чем я думал... Владения племени стиб начинаются здесь.

— Вы с Папой не говорили мне, что стибки путешествуют на летучих кораблях, — заметил Пыха.

— Мы и сами не знали, — развёл руками Свистоль. — Даже представить такое не могли, в нашей-то глухомани...

— А где их знаменитый Железный Занавес?

— Прямо перед тобой.

— Эти вот кустики? — разочарованно протянул молодой охотник, сдвигая кепку на затылок. — А я-то себе навоображал!

— Через эти, как ты изволил выразиться, кустики даже носопыр продраться не сможет, так-то! А уж человек — тем более!

— Почему не сможет? — удивился Пыха. — Ежели он, например, с топориком...

— Тут тебе никакой топорик не поможет. Этот кустарник не зря называют Железным Занавесом. Его ветки — а ты видишь, там ни одной прямой, все переплетены между собой,

как клубок спутавшейся лески; так вот, они пропитываются железом, которое растение непрерывно тянет из почвы. Вдобавок они могут срастаться между собой. Это и вправду Занавес: не отдельные кусты, а один огромный, неимоверно разросшийся организм. Любой топор здесь спружинит и отскочит, и хорошо если не по ноге!

— Ну, если он такой прочный, можно, наверное, перебраться по верху...

— Ага, перебрался один такой. Во-первых, шипы на ветках в палец длиной и острые — жуть! Как иголки. Кроме того, сейчас подплывём поближе, обрати внимание на листья. Только руками трогать не вздумай: каждый заканчивается ядовитой колючкой.

— Ух ты!

— Да. Яд этот, вообще-то, не смертелен, но вызывает жуткий зуд.

— Как крапива?

— Куда там крапиве! Тебя когда-нибудь оса жалила? Вот что-то вроде. А листики-то мелкие, едва с ноготь будут. Как тут перелезешь?

— Ну а если костёр развести побольше, да и выжечь себе тропку? — В Пыхе определённо проснулся великий стратег, и плевать было этому проснувшемуся на то, что стиб, по крайней мере в настоящий момент, были союзниками смоукеров.

— Пробовали и такое, — терпеливо объяснил Свистоль. — Вот только железная колючка практически не горит. Древесина-то металлизирована! Да и стибки тоже сложа руки сидеть не будут: подтащат воду, да прямо сквозь кусты огонь и зальют. А их ни стрелой, ни копьём сквозь Занавес не достать. Так-то вот!

Плоты один за другим подплывали к берегу. Послышался вскрик — кто-то из смоукеров дотронулся-таки до колючего куста и теперь на чём свет стоит крыл проклятых стибков, их Занавес и вообще — такую жизнь. Пыхе показалось, что из плотного переплетения ветвей послышался какой-то звук, что-то вроде еле сдерживаемого хихиканья.

— Не трогать Занавес! — громогласно возвестил Свистоль, взобравшись на крышу навеса.

Хихиканье стало явственней.

— Здесь они, поганцы, — удовлетворённо пробурчал Папа и вдруг гаркнул так, что у стоявших рядом уши заложило: — Хай, стиб! Хелп кам!! Оупен гейтс, смолл тоад-стулз!!!* [Приветствую вас, стиб! Помощь пришла!! Открывайте ворота, маленькие засранцы!!! *(пиджин)*]

— О! Итс Папа! Биг Папа! О май гад!* [О! Это же Папа! Большой Папа! О мой бог! *(пиджин)*] — донеслось сквозь листву.

Пыха насупился:

— Чего это он несёт — ломай, мол, гад! Мы же им помогать пришли!

— Да нет, он не это сказал, — поморщился Свистоль.

Тем временем за кустами явно что-то происходило. Оттуда раздавалось пыхтение, сдавленные возгласы — и вот наконец над листвой вознеслась странная конструкция, составленная из верёвок и досок, и с пронзительным скрипом стала опускаться вниз. Большой Папа, уперев руки в бока, невозмутимо наблюдал за происходящим. Пыха, напротив, рассматривал странный механизм со жгучим интересом: до сих пор он ничего подобного не видел.

Конструкция представляла собой некое подобие арки, составленной из трёх секций. Жесткость обеспечивали несколько толстых пеньковых тросов, пропущенных сквозь блоки. Когда подъёмный мостик (так Пыха окрестил про себя странное приспособление) наконец опустился, Папа неторопливо двинулся к борту.

— Свистоль, вы остаётесь за старшего...

— Возьмите с собой ещё кого-нибудь, — вполголоса посоветовал шаман.

— Можно, я... — сунулся было Пыха и тут же стушевался, надвинул козырёк огромной своей кепки на глаза и стал ковырять ногой палубу.

— А что, пошли, — согласился Большой Папа. — И ещё ты, Дымок. Ты ведь по-ихнему понимаешь?

— Ну так... Немного.

— Вот и отлично. Табак у всех есть?

— А то!

Конструкция, несмотря на свою кажущуюся хрупкость, легко могла выдержать и куда больший вес. С обеих сторон мостик имел невысокие перильца, но всё же смоукеры малость струхнули, когда доски центрального пролёта запружинили под их ступнями.

С внутренней стороны ограды собралась небольшая толпа. Синекожие человечки очень походили на смоукеров, однако были и отличия. Первое, что бросалось в глаза, — какое-то общее для всех выражение лица, неуловимое, но в то же время столь явное, что по спине невольно пробегали мурашки. Так мог бы смотреть охотник, наблюдая с высокого дерева за хищником-людоедом, приближающимся беспечным шагом к хорошо замаскированной и очень глубокой яме с острыми кольями на дне.

— Хай, гайз! — важно произнёс Большой Папа. — Вот а ю дуинг?

— Можно и по-вашему, — выступил вперёд один стибок. — Меня зовут Джро Кейкссер, можно просто Джро. Я здесь теперь вроде как главный, — он вдруг ухмыльнулся.

Очевидно, в его словах и впрямь заключалось нечто забавное. Остальные стибки заулыбались.

— Тебя мы знаем, конечно, — обращаясь к Папе, произнёс Джро. — А как зовут твоих спутников?

— Это Дымок и Пыха, наши охотники.

— Хейзес энд... э-э... Смоки, е! — перевёл для своих Джро. — Приглашаю вас всех в мужской дом!

Названное строение гордо возвышалось неподалёку. Архитектура его была типичной для такого рода построек: плетёные стены, крытая какими-то незнакомыми, широкими и растопырчатыми листьями крыша и несколько толстых свай, поддерживающих всё это в двух метрах над землёй.

В полу мужского дома имелся квадратный люк. Поднявшись вслед за хозяином по шаткой бамбуковой лесенке, смоукеры очутились внутри. Пол здесь покрывали аккуратные, плетёные из камыша циновки, на стенах были развешаны разнообразное оружие и обрядовые маски. Пыха тут же узнал Амбу — белое безносое лицо с выпученными красными глазами скалилось на вошедших из полумрака. Правда, в интерпретации стиб Амба почему-то имела торчащую вверх короткую косичку с весьма легкомысленным бантиком. Прочие маски были незнакомы. Юный смоукер тщетно искал глазами добрую улыбку Никоцианта — его маска, красно-коричневая, как трубка из корня арбореи, была непременным атрибутом всех праздников племени. «Ну да, они же язычники! — вспомнил он. — Где уж им почитать правильных духов!»

— Не в обиду будь сказано, Джро, но почему вам потребовалось заключать с нами соглашение? Мы все, — Папа обвёл глазами смоукеров, — мы все видели, как люди твоего племени улетели на воздушном корабле. Неужели он не смог забрать всех?

Главный стибок, казалось, чуть смутился, услышав эти слова.

— Ах да, дирижабль... Я, конечно, объясню вам всё, но сперва мне хотелось бы знать, остаётся ли наше соглашение в силе?

— Естественно! — пожал плечами Большой Папа. — Всё, как и договаривались: вы нам — секрет Железного Занавеса, мы вам — плот...

— Итц файн! — собеседник вдруг отчего-то повеселел. — Раз так, то всё в порядке.

— Так почему же вы не могли улететь все? И, кстати, откуда в наших краях взялся дирижабль?

— О, ну это просто, — пожал плечами стибок. — Некоторое время назад до нас стали доходить слухи о Великом наводнении. Мы связались с нашей диаспорой в Вавилоне, и они помогли с переселением. Наняли воздушный корабль...

— Первый раз слышу, что ваши живут в Вавилоне, — удивлённо сказал Папа.

Стибок снисходительно улыбнулся:

— И уже давно. У нас говорят так: Вавилон — это будущее, Лес — это прошлое.

— Так почему же вы остались здесь? — Папу было не просто сбить с панталыку.

— Ну надо же, чтобы кто-нибудь тут присмотрел за всем... — не слишком убедительно протянул стибок.

Папа усмехнулся и, вытащив внушительных размеров трубку, принялся её набивать. Воцарилось молчание.

— Я старый человек, Джро, — промолвил наконец Папа. — Старый, но не глупый. Сейчас сезон дождей. Ещё один ливень — и здесь вообще не за чем будет присматривать. Так что рассказывай всё как есть.

— Оу... — стибок отвёл глаза. — Вообще-то, нас не взяли на борт.

— Не взяли? Ты имеешь в виду — свои же?

— Э-э... да. Как тебе известно, все люди нашего племени обладают очень развитым чувством юмора. Это наше... как сказать... нейшинел прайд* [Национальная гордость *(пиджин).*]1. Но у некоторых это немного... переходит границу, понимаешь?

— Ты хочешь сказать, что вы своими приколами достали даже своих?! И достали настолько, что они оставили вас здесь?!

— Признаю, мы немного перегнули палку, — смущённо признался Джро. — Не надо было, наверное, поступать так, как поступали мы. Во всяком случае, пока не кончится вся эта суматоха с переездом.

— Я слыхал, что некоторые из стибков настолько привержены своим глупым шуткам, что не могут остановиться ни при каких обстоятельствах. Говорят, это что-то вроде болезни. Старейшины рассказывали, что таких людей изгоняют из племени, заставляют их селиться отдельно...

— Но поскольку все они собрались уезжать, нас просто оставили тут. Наверное, в этом что-то есть, — печально вздохнул стибок. — Я, например, легко могу себе представить несколько хороших приколов на дирижабле. Они, вероятно, тоже...

— А теперь, значит, вы будете устраивать свои фокусы на наших плотах? Не бывать такому! — взорвался Папа.

— Соглашение, — тихонько напомнил стибок. — Вы обещали. Кроме того, секрет Железного Занавеса — это почти идеальная защита, где бы вы ни оказались.

— Ну вот что! — решительно встрял Пыха. — Пока вы путешествуете с нами, от ваших шуточек вам придётся отказаться.

— Я бы с удовольствием пообещал вам это... — со вздохом сказал Джро. — Более того, я почти уверен, что сам смог бы удержаться... Ну разве что пара-другая невинных розыгрышей. Но я не могу отвечать за всех.

— Эх, ежели б не Занавес... — покряхтел Большой Папа. — А, ладно! Потерпим! Потерпим ведь, смоукеры?

Дымок кивнул. Пыха тоже склонил голову, однако про себя решил: уж он-то ни за что не позволит над собой издеваться!

— Ладно, значит, решено. — Папа встал и шагнул к выходу. — Нам, конечно, придётся ещё пожалеть об этом, но...

Подпиленная лесенка под ногами Папы внезапно с тихим «чпонг!» распалась на две половинки. Смоукер попытался было ухватиться за край люка, но не сумел и тяжело рухнул

на землю. Пыха и Дымок бросились к отверстию и испуганно уставились вниз. Папа лежал на спине и сосредоточенно пускал вверх большие клубы дыма из своей трубки.

— Так. Начинается... — мрачно промолвил он.

* * *

Иннот недоумённо уставился на телефонную кабинку. Телефон звонил. Крохотный огонёк бился сейчас где-то в недрах исцарапанной стальной коробки, повинуясь нетерпеливой пульсации одной из жилок телефонного кабеля.

Поблизости никого не было. Пожав плечами, каюкер снял трубку с рычага.

— Ну здравствуй, Иннот, — прошелестел бесплотный голос.

— Кто это?! — хрипло спросил Иннот, чувствуя, как по ладоням начинают бегать мурашки: своё, убийственное для прочих электричество ощущалось каюкером именно так. Острое чувство опасности заставило тело реагировать помимо его воли. Крупные бородавки, украшающие физиономию каюкера, потеплели, а спустя мгновение он словно бы «прозрел» ими: ощущение было такое, будто на лице открылось ещё несколько глаз, о существовании которых он до сих пор не подозревал. Электрические рецепторы, помимо прочего, обладали панорамным эффектом: Иннот словно стал видеть во все стороны разом.

— Попробуй угадать. Ты ведь не первый год живёшь в Бэбилоне. Далеко не первый, верно? Безусловно, ты не раз слышал о Старой Контре? — шипел голос.

— Вздор! Никакой Старой Контры не существует! — начал было каюкер, но вдруг осёкся.

В трубке тоненько хихикнули — словно свистнул ветер.

— Пару дней назад ты мог бы точно так же отозваться о Подметале. Но уж он-то убедил тебя в своей реальности, не правда ли? Тебе здорово повезло, что ты остался в живых после этого.

— Чего тебе от меня надо?

— Я хочу предложить тебе сделку, каюкер. Такую сделку, от которой ты не сможешь отказаться.

— Что за сделка?

— С твоей стороны, конечно, профессиональные услуги... С моей — информация. Такая информация, обладание которой позволит тебе, скажем, одолеть твоего главного врага. И это только начало! Я могу ответить на любой вопрос, который ты в состоянии будешь сформулировать. Вся соль в том, чтобы научиться ставить правильные вопросы; ведь за каждый ты должен будешь расплатиться!

— Я не работаю вслепую. — Иннот секунду помедлил и добавил: — Кроме того, я никогда не покупаю кота в мешке. Почему это я должен тебе верить?

— В этом городе немало таких, кто сколотил себе состояние, пользуясь моими услугами! — раздражённо дунуло из мембраны. — Могу предложить тебе следующее: на один вопрос я отвечу бесплатно. Но только на один! Ты должен хорошенько подумать, прежде чем задавать его. А получив ответ, подумай ещё некоторое время: стоит ли упускать такую возможность? Известный тебе Подметала потому и сумел стать живой легендой, что не пренебрегал моей помощью и советами.

— И я ничего не буду тебе должен за это?

— За это — ничего. Итак? — скрипнуло в трубке.

— Дай мне время. Хотя бы пять минут! — Голос каюкера слегка охрип.

— Пяти не дам. Дам минуту. Ты слишком многое получаешь задаром, долгожитель. Я перезвоню, — и с этими словами шуршание в мембране прервалось частыми гудками, настолько громкими, что Иннот против воли отшатнулся.

Соблазн был велик. Как и большинство жителей Бэби, каюкер не раз слыхал смутные легенды о таинственных телефонных голосах и странных письмах без обратного адреса, следуя

которым, люди добывали себе баснословное богатство — либо же исчезали в неизвестности. Вопрос, вопрос... Как назло, ничего путного на ум не приходило.

Телефон зазвонил. Иннот вздрогнул: как, уже? Но вопрос... У него нет вопроса, того самого, единственно верного!

Рука помимо воли потянулась к телефонной трубке. Словно заворожённый, каюкер следил за ней, даже не пытаясь использовать последние мгновения для поисков. Пальцы обхватили прохладный эбонит, рычаг клацнул, поднимаясь.

И в этот миг вопрос пришёл в голову сам.

— Итак?.. — раздалось из трубки.

— Кто убил Мортимера Морберта? — отчеканил Иннот.

Повисло молчание. Потом на том конце захихикали — тоненько, воздушно, словно ребёнок вдруг дунул в пищалку.

— А ты парень не промах, да... Признаю, тебе удалось удивить меня. Давненько такого не случалось. Значит, ты занимаешься ещё и этим делом? Интересно, очень интересно...

Тут Иннот подумал: не свалял ли он дурака. Ведь задавая такой вопрос, он тем самым предоставлял кое-какую информацию; а Старая Контра, похоже, умела пользоваться информацией куда лучше, чем кто-либо ещё.

— Конечно же, это не тот вопрос, который следовало задать человеку в твоём положении, — задумчиво скрипело в трубке. — Но и он весьма неплох, признаю. Необычный ход, да, необычный... Нестандартный. Хотя...

— Так я жду ответа, — перебил каюкер.

— Ответ таков: Чаква Шамполамо, более известный жителям Бэбилона под псевдонимом Подметала. Сам мог догадаться, между прочим. Кто ещё не побоялся бы поднять руку на одного из крёстных отцов Бэбилонской мафии?

Глава 5

Смоукеры один за другим сходили на берег. До чего же приятно было после двух суток, проведённых на тесном плоту, ступить на твёрдую землю! Стараясь не обращать внимания на стибков, которые с интересом разглядывали чужаков, смоукеры разминались и осматривались.

Деревенька, надёжно скрытая до поры за Железным Занавесом, напоминала, как ни странно, их собственную. Пожалуй, единственное бросающееся в глаза отличие заключалось в том, что вместо привычных и уютных корзин стибки строили хижины, правда, тоже плетёные из прутьев. На небольшой площадке посреди деревни было выложено закопчёнными камнями круглое кострище, скорее даже, открытый очаг. Сейчас на нём исходил паром здоровенный котёл, распространяя вокруг восхитительные ароматы. Смоукеры, хоть и были малоежками по натуре, всё же почувствовали подступающую слюну.

Вокруг котла несли почётную стражу несколько стибков, зорко приглядывая друг за другом и за соплеменниками. Джро Кейкссер клятвенно обещал Большому Папе, что никаких подвохов с пищей не будет.

— Я сильно на это надеюсь, уважаемый! — ворчал Папа, потирая ушибленный хребет. — Меньше всего мне хотелось бы мучиться в дороге поносом.

Стибки потихоньку начали перетаскивать свои пожитки на плот, и бдительный Свистоль потребовал от вождя (так они стали называть Джро), чтобы тот выполнил свою часть сделки.

— Ну что же, смотрите. — Стибок с легким вздохом порылся в недрах облупленного докторского саквояжа, невесть какими судьбами занесённого в джунгли, и достал оттуда туго завязанный полотняный мешочек.

Распустив тесёмки, он высыпал на ладонь горсть семян. Размером они были примерно с семечко кориандра и отливали тусклым стальным блеском, словно спинки клопов-гладышей, резвящихся на мелководье.

— Это — семена знаменитого Железного Занавеса, — важносказал он. — Именно им обязаны мы нашему процветанию и уникальной устной культуре.

Большой Папа чуть слышно фыркнул. Он был не самого лучшего мнения об устной культуре племени стиб.

— Собрать такие семена может каждый. Семенные коробочки вызревают раз в год, и нарвать их с внешней стороны Занавеса не составляет труда. Весь секрет заключается в том, чтобы заставить их прорасти. Секрет быстрого проращивания скрыт в воздействии на семена некоторых ферментов, содержащихся в человеческом организме, а именно в желудочном соке. Как только на предварительно освобождённое от оболочки и размоченное семя попадает хотя бы капля желудочного сока, оно начинает бурное развитие. Спустя полсуток изгородь достигает высоты в полтора человеческих роста. В это же время ветви начинают срастаться друг с другом, а шипы — твердеть. Если вы желаете где-то подрезать Занавес или каким-нибудь образом купажировать его, то это надо делать в течение первых нескольких часов. Потом будет поздно.

— Где это ты таких слов набрался, Джро? — с удивлением спросил его Папа. — Купажирование, ферменты...

— О, стиб вообще очень образованный народ, — начал хвалиться Джро. — Наши знания, особенно в области ботаники, огромны, и...

— Постой-ка, ботаник! А каким образом вы добываете желудочный сок?

Стибок замолчал и уставился на Папу своими светлыми глазками. На физиономии его потихоньку проступала неуверенная улыбка. Затем Джро продемонстрировал два вытянутых пальца, указательный и средний, плотно прижатые друг к другу, и поднёс их к полураскрытому рту.

В это же самое время на другом конце деревни племянница Джро в гораздо менее изысканных выражениях выдавала Пыхе главную тайну племени.

— Сначала чистишь, — объясняла она, подцепляя грязноватым ногтем кожуру, — потом кладёшь семечко в лунку — и бя-я!

Пыха недоверчиво ухмылялся, слушая пояснения.

С того самого момента, как он шагнул с брёвен плота на шаткий мостик, ведущий во владения стиб, его не покидало напряжение. Пыха всё время ожидал подвоха; и сейчас, слушая пояснения, на всякий случай не верил ни единому слову. Вдобавок ко всему, он не привык общаться с девочками. У смоукеров девочки и мальчики держались особняком друг от друга. Разумеется, случались и общие игры, и совместные посиделки у костра, однако, как правило, по-настоящему интересоваться противоположным полом они начинали только после школы: считалось правильным сначала обзавестись собственной корзинкой и делянкой табака. А племянница Джро была к тому же из чужого племени. Впрочем, некоторая робость Пыхи с лихвой возмещалась её непосредственностью. Она вполне сносно разговаривала на понятном смоукерам языке и, казалось, вовсе не знала, что такое смущение.

— Тебя как зовут? — первым делом спросила она.

— Пыха, — представился Пыха, очень гордившийся своим именем.

Девчонка захихикала. Как и у всех стибков, у неё была синяя кожа и целая галактика индиговых веснушек вокруг носа, словно кто-то брызнул ей в лицо чернил.

— Что за смешное имя! Это потому, что ты пыхтишь?

— Это настоящее смоукеровское имя, — солидно ответил Пыха. — Правильное. Мой папа услышал его во сне, от самого Никоцианта.

— А кто такой Никоциант?

— О-о! Никоциант — это Великий Табачный Дух! А у вас разве о нём не слышали?

— Не-а. У нас Великий Дух — это Живущий Внутри.

— Внутри чего?

— Чего-чего! Занавеса, конечно!

— Гм... А тебя как зовут? — поинтересовался Пыха. Про себя он окрестил девчонку «стибовочкой» и никак не мог сообразить, нравится она ему или нет. У племянницы Джро было худенькое тело подростка, маленькое треугольное личико с чуть вздёрнутым носом и неожиданно большой полногубый рот. Светлые водянисто-голубые глаза смотрели на мир абсолютно невинно, как и у всех стиб.

— Кастрация! — радостно сообщила она.

— Как?!! — глаза Пыхи полезли на лоб.

— Вообще-то родители хотели назвать меня Констанция, но моя мама дико картавит. Так я и осталась Кастрацией. А фамилия у меня — Аппельфиги. А твоя как?

— А что это такое — фамилия? — удивился Пыха.

— А ты не знаешь?! Ну, вы и дикари! — ужаснулась Кастрация и тут же потянула Пыху за руку. — Пойдём, я покажу тебе деревню!

— За что тебя тут оставили?

— А, так, ерунда! Просто неудачная шутка!

Пыха покачал головой. Он уже получил некоторое представление о манере местных жителей шутить.

— Пострадавшие хотя бы выжили? — как можно более тактично осведомился он.

Кастрация хихикнула:

— Да ничего такого не было! Ну, напугала маленько кое-кого...

Пыха решил не углубляться в эту тему.

Смоукеры категорически отказывались верить в чудесный метод проращивания семян до тех пор, пока Джро с оскорблённым видом не продемонстрировал его на собственном при-

мере. Когда спустя несколько минут из земли проклюнулся нежный розовато-зелёный росток, Свистоль шумно перевёл дух.

— Сколько же семян можно... э... прорастить за один раз?

— А это, как харч будешь метать, — доходчиво объяснил Джро. — У кого на целый мешок хватает, а у кого и на сотню зёрен не наберётся.

— Что ж вы, всей деревней, что ли, это самое?..

— О, йес! Сётенли! Это, натурально, не слишком-то приятно, но зато надёжно!

Росток между тем продолжал выползать из почвы буквально на глазах.

— Для чистоты эксперимента надо, чтобы теперь кто-то из нас... — осторожно произнёс Большой Папа.

Дымок хмыкнул, потом огляделся стыдливо по сторонам и выбрал из мешочка семя.

— Кожуру, кожуру сковырнуть! — напомнил Джро. После того как второй росток показался из почвы, Джро Кейкссер осторожно спросил:

— Вы довольны? Мы выполнили свою часть сделки?

— Пожалуй... — с некоторым сомнением протянул Большой Папа.

Дымок поморщился и сплюнул.

— Будем считать, что так. А эти семена...

— Они ваши, — стибок вынул из саквояжа несколько туго набитых полотняных мешочков и вручил их смоукерам.

— Всходят пять-шесть семян из десятка; если предварительно размочить — семь-восемь. Здесь вполне достаточно для того, чтобы окружить непроницаемой стеной деревню размером с нашу. А сейчас праздник, давайте есть, пить и веселиться!

Большой Папа с некоторым сомнением посмотрел на небо. Его потихоньку заволакивало облаками.

— Мы, конечно, не откажемся от предложения и разделим с вами трапезу; но хотелось бы отплыть ещё до темноты.

— Вай? — недоумённо поднял бровки Джро.

— Похоже, сюда идёт ещё одна гроза. Не такая, как последняя, но всё-таки.

Стибок, прищурясь, глянул вверх:

— Не знаю, не знаю... Впрочем, вы, говорят, умеете угадывать погоду по дыму. Оки, мы погрузимся ближе к вечеру.

Приглашение на большое угощение (по-местному, биг ланч) было воспринято смоукерами с изрядной долей подозрительности. Они приготовили свои деревянные ложки, но по общему молчаливому согласию дождались, пока стибки попробуют пищу, и лишь тогда прикоснулись к ней. Еда, впрочем, оказалась весьма вкусной, хотя и излишне острой: стибки добавили к свинине, тушенной с бататами, несколько стручков дикого красного перца. Некоторое время не было слышно ничего, кроме сосредоточенного чавканья доброй сотни челюстей. Внезапно один стибок с воплем схватился за живот и заметался по площади. Смоукеры побледнели; кое-кто стал с полным ртом озираться, ища, куда бы сплюнуть. Джро Кейкссер невозмутимо поглядел на вопящего соплеменника и промолвил:

— Сядь, Сайкс. Мы уже сто раз это видели. Понимаете, — обратился он к Папе, — у нас вообще-то в обычае устраивать всякие мелкие розыгрыши с едой. Но этот парень всегда повторяет одну и ту же шутку. Это у него называется «понарошку отравленный»; я уже много раз видел такое представление.

— Да, но они-то не видели ни разу, — смущенно улыбаясь, возразил Сайкс. — Смотри, вон тот даже выплюнул всё!

— Такие вещи за едой совершенно недопустимы! — возмущённо заговорил Свистоль.

— Но это же весело! — простодушно возразил кто-то. — И потом, мы всегда так делаем!

— И очень зря! — шаман отставил недоеденную миску и встал. — Я не могу больше оставаться здесь! — И он с достоинством удалился.

Смоукеры смущённо покрякивали. Стибки переглядывались, обмениваясь недоуменными улыбками. «Если он так реагирует на простую и невинную шутку, то что же будет, когда мы начнём шалить по-настоящему?!» — казалось, спрашивали они друг друга.

Чтобы сгладить неловкость, смоукеры достали свои трубки. Через некоторое время клубы табачного дыма заволокли деревеньку стиб, а шутка хозяев перестала казаться такой уж обидной. Синекожие человечки, приоткрыв рты, зачарованно смотрели, как гости выпускают одно за другим сизые дымные кольца. «Хм... Может, и удастся привить им хоть чуть-чуть культуры, хотя бы через курение табака? — размышлял Папа. — Всё-таки никотин действует на организм умиротворяюще. Как знать, вдруг у них отпадёт охота к глупым шуткам».

Впрочем, последующие события показали, что Большой Папа крупно на этот счёт ошибался...

Свистоль тем временем прошел по деревянному мостику над колючками Занавеса и спустился на плот. Ветер почти стих. Речная гладь еле заметно колыхалась, отражая розовые и жёлтые облака. Под навесом ещё вчера протянули верёвку, и там теперь вялились низки пойманной рыбы. Несколько молодых смоукеров степенно сидели у бортика и о чём-то негромко толковали, попыхивая, кто постарше, трубкой, а кто помоложе — папироской. Глядя на них, Свистоль вдруг ощутил приступ ностальгии, острый, словно лист декапитария. Никогда уже больше не будет тихих вечеров под стрекот цикад, облачков табачного дыма над корзинами, а главное — того безмятежного, сонно-счастливого существования, когда завтрашний день предстаёт чем-то расплывчато-неопределённым...

— Грустно, е-э? — голос стибка прозвучал совсем рядом, и Свистоль вздрогнул.

Маленький, пожалуй ещё меньше, чем остальные его соплеменники, синий человечек сидел на краю одного из плотов и сочувственно рассматривал шамана. Подросток, понял Свистоль. На нём были только набедренная повязка да ножны с крохотным ножиком, привязанные ремешком к запястью.

— Грустно, — согласился шаман. — И жарко к тому же, как в бане.

Жара и в самом деле сгущалась над рекой — тяжёлая, влажная. Вода начала парить, дали заволакивались голубой дымкой.

— Вот из ит — банья? — удивлённо спросил синекожий.

— Да не прикидывайся ты, — поморщился шаман. — Я давно понял, что вы куда лучше понимаете по-нашенски, чем пытаетесь показать.

— Оки, — согласился маленький стибок. — Мне тоже грустно, смокер. Меня здесь оставили сторожем, а я совсем один.

— Ничего, скоро ваши придут, — утешил его Свистоль. — Жалко дом-то покидать, а?

— Дом там, гдье сьердце! — торжественно выговорил стибок.

От неожиданности Свистоль крякнул:

— Экий ты, брат, философ!

— Окуни ноги в рьеку, — посоветовал стибок. — Будьет легче!

— А ты, пожалуй, прав. — Свистоль присел на краю плота и с наслаждением опустил ступни в прохладную воду.

Стибок между тем извлёк из ножен свой ножик и стал подрезать ногти. Шаман достал трубку и стал, не торопясь, набивать её. Когда первое облачко дыма поднялось над его головой, стибок прекратил своё занятие.

— Это фокус? — спросил он, зачарованно провожая его глазами.

— Это смоук! — важно ответил Свистоль, подняв палец.

— Вау! А вот это фокус. Смотри... — И паренёк, сморщившись, чиркнул по пальцу лезвием.

Показалась капля крови. Она набухала, набухала — и, наконец, сорвалась и упала в воду. За ней спешила вторая.

— Ну и в чём здесь фокус? — хмыкнул шаман, выждав некоторое время.

— Сейчас узнаешь! — радостно улыбнулся стибок.

— Иди-ка лучше перевяжись, недотёпа! — начал было Свистоль, но договорить не успел...

Страшный вопль, раздавшийся со стороны реки, переполошил смоукеров. Стиб реагировали более спокойно — очевидно, подобные вещи были для них куда привычнее. Глазам изумлённых путешественников предстала странная картина. По нависшему над Занавесом мостику что было сил мчался маленький стибок. За ним, изрыгая жуткие проклятия, несся, подпрыгивая на одной ноге, длинный как жердь смоукеровский шаман, размахивая над головой веслом — очевидно, это было первое, что попалось ему под горячую руку. Мостик яростно скрипел и раскачивался.

Папа быстро наклонился к сидевшему рядом Пыхе и прошептал ему на ухо:

— Останови его, иначе он прибьёт этого малыша!

Ближайшие к месту действия смоукеры, впрочем, и сами смекнули что к чему. Они набросились на шамана, хватая его за руки. Тот не удержался на ногах и рухнул в траву. Получилась куча мала.

Кое-как разъярённого Свистоля удалось утихомирить.

— Эти рыбки очень глупые, — извиняющимся тоном объяснял Джро Кейкссер. — Но у них очень хороший нюх; моментально чуют в воде кровь и набрасываются всей стаей. Некоторые ребятишки их так ловят: порежут себе палец, чтобы капелька крови попала в воду, а потом опускают туда ветку с листьями. Тирании вцепляются в неё и не отпускают, пока не окажутся на воздухе.

— Я вам что, ветка?!! — вопил красный от гнева шаман, судорожно дёргаясь в руках удерживавших его старейшин. — Отпустите меня, я этому... этому... Я ему башку сверну!

— Он, наверное, психический! — испуганно пискнул маленький стибок из-за спин взрослых, чем вызвал новый приступ Свистолева гнева.

— У Нита все шутки такие, — хмуро пробурчал кто-то из стибков. — Доиграется он когда-нибудь, попомните моё слово.

— Интересно всё же, сколько тираний на него клюнуло? — задумчиво поинтересовалась Кастрация, ковыряя босой ногой травку.

Пыха, вспомнив о своей адмиральской роли, решительно встал.

— Ещё одна такая шутка — и наш договор теряет силу, вы поняли, стиб?! — громко, чтобы все слышали, заявил он. — А теперь идите на свой плот. Пришло время отправляться в путь. По крайней мере, — прошептал он, низко наклонившись к донельзя возмущённому шаману, — нас будет разделять вода.

* * *

— Вся беда в том, что моё начальство со времён выпуска из Военной Академии так ничему новому и не научилось, — сказал Морш де Камбюрадо.

Он неторопливо шёл рядом с Громилой, задумчиво поигрывая стеком. Яркое утреннее солнце играло в свежеумытой листве платанов, тонкие трубочки отставшей коры чуть слышно шуршали по краям тротуара.

— Предполагается, что «Тотал Копф» для того и существует, чтобы выдумывать всякие штуки, — отозвался гориллоид.

— Да бросьте вы! Давно известно: армия быстро вырождается и становится фикцией, если у неё нет реального противника. Хитрый и коварный враг, знаете ли, — лучший помощник для поддержания хорошей формы. А какие у нас враги? Северяне давным-давно усмирены,

погашены и приведены к общему знаменателю. Воинственные горные племена не представляют для Бэбилона ни малейшей угрозы — им вполне хватает постоянных междусобойчиков для утоления собственной свирепости. Капитан Фракомбрасс? Я вас умоляю! Не хватает ещё, чтобы интеллектуальная элита армии гонялась за каким-то пиратом.

— Насколько я знаю, стража с этим парнем так и не сумела справиться в своё время. Да и армия, честно говоря...

— Ну да, ну да. Мы получили хороший щелчок по носу. Дерзкий налёт в самом, можно сказать, сердце Биг Бэби, плюс к этому гибель двух патрульных дирижаблей и исчезновение третьего...

— «Исчезновение»? — усмехнулся Громила. — Бьюсь об заклад, этих бедняг попросту сожгли, и хорошо ещё, что это произошло не в городской черте. Вы в курсе, сколько всего сгорело во время той потасовки? Почти целый квартал! Пожарным с трудом удалось потушить пламя.

— Увы! Знаете, Гро, это ещё не самый худший вариант — если пираты просто сбили наш воздушный корабль. У Фракомбрасса вполне могло хватить наглости взять его на абордаж, и в этом случае у них в руках оказался новенький, с иголочки, дирижабль. Я в отличие от командования не имею заблуждений относительно исхода такой схватки, если она состоялась. Вы же знаете, когда обезьянцу — или человеку, неважно, нечего терять, он будет сражаться с яростью грохманта. А пиратам и в самом деле терять нечего: всё, что их ожидает в случае поражения, — это пеньковый галстук, ну, или короткая прогулка по привязанной к планширу доске — не самое приятное дело на высоте эдак в полмили.

Некоторое время они шли молча — невысокий, с безукоризненной выправкой павиан и здоровенный, черный, как ночь, гориллоид.

— Я ведь понимаю, Морш, вы не зря затеяли весь этот разговор. Но если вы задумали предложить мне работу вне города, то оставьте эту затею. Мы, каюкеры, не работаем за пределами Биг Бэби; и вряд ли вам удастся найти того, кто согласится на это. Профессионалы — я имею в виду, настоящие профессионалы, — никогда за такое не возьмутся; а связываться с авантюристами — себе дороже.

Павиан усмехнулся:

— Вы правы, Гро, я не просто так оторвал вас от законного отдыха. Однако всё то, что вы мне сейчас сказали, я знаю и сам. Более того, мысль нанять каюкера посетила некоторые светлые головы в Генеральном штабе уже давно. Кое-кто даже пробовал выйти на легендарного Подметалу. Конечно, если верить официальным сведениям, такой персоны вовсе не существует, но они попытались. И даже вроде бы получили ответ — как вы понимаете, отрицательный. Впрочем, в нашем ведомстве всё настолько засекречено...

— А вы, майор, не выдаёте мне сейчас военных тайн, случаем? — шутливо спросил Громила.

— Пока нет.

— Хо-хо! Мне нравится это «пока»!

— Могу и выдать, — улыбнулся де Камбюрадо. — Как вы посмотрите на то, что сумевшие захватить пиратское логово получат половину всей добычи, которая окажется там?

— Ну если бы я был в силах захватить тайную базу Фракомбрасса, я бы взял себе всё, что там есть, — до последней монетки! К чему мне делиться с правительством! — хмыкнул Громила.

— Вот как? А у вас есть какие-нибудь средства для того, чтобы подобраться к этому логову? Воздушный корабль, например? Или тренированная команда? А как насчёт информации, где это самое логово искать? Ну хоть приблизительно!

— Гм... Да, конечно. Но я имел в виду — если бы я действительно взялся за такое дело, то конечно, первым делом позаботился бы о воздушном корабле, и всё такое... Послушайте, Морш, к чему вы клоните?

— Как у вас сейчас с деньгами, Гро?

Гориллоид развёл руками:

— Как всегда. Не хватает! А вы знаете кого-нибудь в этом городе, кто может сказать иначе? Разумеется, мне нужны наличные, но...

— Значит, если бы — я говорю это исключительно в виде предположения — если бы некто предложил вам поучаствовать в некой авантюре, полностью одобряемой законом и способной принести вам немалую прибыль, вы бы согласились? Чисто теоретически?

— Это следует понимать как предложение? — задумчиво протянул Громила, испытующе глядя на майора.

— Считайте, что так, — подмигнул де Камбюрадо.

— Работать на армию...

— Ни в коем разе! Я разговариваю с вами исключительно как частное лицо. Исключительно.

— Предложение интересное, но слишком уж расплывчатое, — прищёлкнул языком каюкер. — Я же привык иметь дело с более конкретными вещами.

— Увы! Пока я могу сказать вам только это. Да, вот ещё что: поразмыслите на досуге над тем, как давно пираты занимаются своим промыслом. Собственно говоря, деньги им тратить некуда: не заявишься же в город за покупками! Многие, конечно, откладывают золото и драгоценности на чёрный день, но уж никак не хранят свои сбережения в Первом Бэбилонском! Всё это добро просто лежит мёртвым грузом и ждёт того, кто придёт и возьмёт его!

— Вы просто профессиональный искуситель, Морш!

— Первое, чему учат в интеллектуальных войсках, — это умению работать с людьми.

— Ага, ага! Щипчики для выдирания волос из носу, скунс-камера... — заулыбался Громила.

— Да бросьте вы! Пытки — это даже не вчерашний день, так, тема для острословов. Человека куда интереснее перевербовать, а зачастую — и куда проще.

— А обезьянца?

— Мы не так уж отличаемся друг от друга, чего бы там ни болтали поборники «вершины эволюции», — махнул рукой де Камбюрадо. — Пожалуй, обезьянцы более раскованны в удовлетворении своих естественных потребностей и не склонны к эвфемизмам, вот и всё. Никто из нас не назовёт гуано «коричневым» и не пригласит даму «на чашечку кофе», если на самом деле имеет в виду покувыркаться с нею в постели. Культурологическая разница, всего-навсего.

— Не скрою, вы меня заинтересовали, Морш. Я подумаю о вашем предложении.

— Подумайте, Гро, подумайте. Только, пожалуйста, не слишком долго. Ваш ответ мне нужен в течение... ну скажем, ближайших двух дней. И ещё: если у вас есть на примете знакомые гориллоиды, ну, такие, знаете, рисковые парни, сорвиголовы, авантюристы, то...

— Мой народ в отличие, скажем, от ваших соплеменников вообще довольно добродушен и тяжёл на подъём, — улыбнулся Громила. — Так что самый большой авантюрист и сорвиголова из знакомых мне горри — это я сам.

— Жаль... Видите ли, по некоторым причинам я заинтересован сугубо в гориллоидах. Ну да ладно. Вы знаете, где меня найти, Гро. Счастливого дня!

Майор отправился своей дорогой, а Громила в задумчивости остановился на перекрёстке. Справа возвышались небоскрёбы Бакс Бэби — деловой части города; слева пестрела многочисленными вывесками улица, ведущая к речному порту. Внезапно он обратил внимание на знакомую фигуру за столиком уличного кафе. Почти в тот же миг Джихад заметила его и, вскочив, радостно замахала руками. Выбор был сделан — Громила перешёл на другую сто-

рону и заключил каюкершу в объятия, не обратив ровно никакого внимания на косые взгляды, которыми его наградила сидевшая за дальним столиком компания мускулистых юнцов.

— Между прочим, я собиралась тебя сегодня навестить, — сказала Джихад, когда Громила, заказав себе чашку кофе и непременную гроздь бананов, осторожно уселся на жалобно скрипнувший плетёный стул. — Ты случайно не знаешь, где сейчас наш общий рыжеволосый приятель?

— Случайно знаю, — усмехнулся Громила. — Отсыпается у одного из моих друзей после вчерашнего полёта с крыши.

— С крыши?! — сабельные брови Джихад взметнулись вверх. — Знаешь, я думала, если и есть человек, который с высотой на «ты», — так это Иннот. С ним даже ты не можешь в этом тягаться, милый, не сочти за обиду! Как он?

— Какие обиды, — добродушно хмыкнул Громила. — Парень и правда рождён для Аппер Бэби. Да с ним ничего, собственно, и не случилось — так, легкое потрясение. Уверен, что когда он проснётся, то будет как огурчик. Он рассказал мне совершенно фантастическую историю; расспроси его как следует при случае.

— Обязательно. Кстати, насчёт фантастических историй — сейчас тебе придётся выслушать ещё одну, на этот раз от меня. Сегодня ночью в квартире, которую я снимаю, появился странный визитёр.

— Ну? Он пришёл ночью, незваным? В таком случае, я думаю, его шкура уже пошла в обработку и скоро мы увидим тебя в новом кожаном прикиде?

Джихад звонко рассмеялась, вновь вызвав неодобрительные взгляды сидевшей в углу компании. Один из них даже проворчал что-то сквозь зубы, впрочем недостаточно громко, чтобы быть услышанным двухметровым обезьянцем.

— Я не такая уж кровожадная. — Джихад лёгким щелчком согнала с рукава усевшуюся туда цикаду. — Тем более что шкурки этого посетителя вряд ли хватило бы даже на перчатки. Дело в том, что ко мне заявился чёрный кот.

— Гм... Я не назвал бы зверька посетителем.

— Я тоже; если бы не одно обстоятельство. Он заговорил со мной. И не вздумай, пожалуйста, пускаться в пространные рассуждения о галлюцинациях и вспоминать знакомых психиатров, тем более что у тебя их нет. Я разговаривала с ним точно так же, как говорю сейчас с тобой.

— Бормотология? — вздёрнул бровь Громила.

— Точно, она самая. Этот кот рассказал мне совершенно невероятные вещи. Ты в курсе вообще-то, что наш рыжий друг проделал большую часть пути до Бэбилона на украденной летающей ступе?

— Конечно! Он неоднократно рассказывал мне об этом. Да и малыш Хлю тоже.

— Так вот; эту самую ступу, оказывается, они похитили у некоего чрезвычайно зловредного создания. Скажи-ка, Гро, что ты знаешь о ведьмах?

— Ну, если ты говоришь о байкершах...

— Нет-нет! Я имею в виду настоящих ведьм, а не толстозадых лохматых девчонок, которые гоняют над крышами на метлах и хвастаются друг перед другом своими бородавками.

— Говорят, настоящие живут далеко на севере, — пожал плечами Громила. — Они страшно вредные и злопамятные тётки; и это, пожалуй, всё, что о них известно. Вообще, я полагаю, что это просто легенды.

— Точно так же думала и я; но котик здорово меня удивил. Он самый настоящий ведьмин кот; ему больше ста лет, представляешь?!

— Коты столько не живут, — задумчиво выпятил губу Громила. — Да и люди тоже, если только...

— Вот-вот! Он говорит, что некогда, давным-давно, его хозяйка служила армии Тьмы; и он тогда был не зверем, а человеком. Но она была побеждена в магическом поединке или попала в какую-то ужасную катастрофу — я, честно говоря, так и не поняла толком. Короче говоря, выжили только он и она. И эта самая ведьма заколдовала его, превратив в своего помощника и прислужника.

— Если вдуматься, звучит не так уж невероятно. Доподлинно известно, что большинство Бэбилонских народов произошло от различных животных; почему бы знающему магу и не повернуть этот процесс вспять?

— Тут что-то другое. — Джихад отхлебнула кофе. — Не просто регресс, а настоящая метаморфоза. Но дело не в этом: оказывается, эта инфернальная дамочка, его хозяйка, прибыла в Бэбилон в надежде отомстить похитителям. И это ей почти удалось!

— Ну, за старину Иннота я спокоен. Он у нас непотопляемый, проверено многократно. А вот Хлю...

— Слушай дальше! Дело в том, что ведьма схлестнулась-таки в поединке с нашим рыжим — и проиграла.

— А я что говорил!

— Но похоже, что на этот раз Иннот схалтурил. Понимаешь, кот сказал, что если бы ведьме настал каюк, то заклятие, удерживающее его в кошачьей шкуре, перестало бы действовать, и он постепенно вернулся бы в прежний облик. По его словам, старуха всё ещё жива и способна на всякие пакости. Вот об этом, собственно, я и хотела рассказать нашему другу. Кстати, ты не знаешь, где сейчас Хлю?

— Они вместе ездили на охоту. Иннот говорил, что он прибудет на этом новомодном суперлайнере.

— На «Махагонии»?! — ахнула Джихад.

— Ну да, а что?

— Так ты ещё не читал свежих газет? «Махагония» бесследно пропала!

— В самом деле?! Скверные новости! — нахмурился Громила. — Конечно, лайнер мог здорово пострадать во время вчерашнего тайфуна, однако я всё же надеюсь на лучшее. Проклятие! Надо бы сообщить об этом Инноту. Не годится бросать друзей в беде!

— Пошли. — Джихад одним глотком допила свой кофе и встала.

— Не торопись так. Мы договорились, что он сам зайдёт ко мне во второй половине дня. У него опять разгромили жильё, так что некоторое время он поживёт у меня.

— Отлично. Значит, я приду вечером; вернее, мы придём. Надеюсь, Фтяч составит мне компанию.

— Фтяч?

— Так зовут ведьминого кота. Я спросила его, почему он выбрал именно меня, и он сказал, что просто побаивался показаться на глаза Хлю или Инноту — всё-таки как-никак совсем недавно они были врагами.

— Подожди-ка, я не совсем понял: этот кот — он что? Сбежал от ведьмы или как?

— Он просто остался без хозяйки. Конечно, если бы он был обыкновенным зверьком, это не составило бы для него большой проблемы; но поскольку он — оборотень, он хочет как-то разрешить ситуацию. Как он мне признался, наилучшим вариантом ему представляется свести вместе ведьму и наших приятелей и посмотреть, кто кого.

— То есть нам он не союзник.

— Ну почему же. Он, конечно, преследует свою выгоду — он же кот, и вообще... но пока что наши цели совпадают.

Громила внезапно откинулся на спинку стула и расхохотался.

— Чем мы с тобой тут занимаемся! Сидим и на полном серьёзе обсуждаем мотивы кошачьего поведения!

Джихад улыбнулась:

— Да, со стороны, должно быть, забавно. Проводишь меня?

— Пошли.

Двухметровый обезьянец и стройная девица поднялись и неторопливо зашагали по улице. Чуть погодя компания из-за дальнего столика встала и, стараясь не привлекать к себе внимания, двинулась следом. Улицы в этот час уже были полны народу. Навстречу то и дело попадались донельзя экзотические личности — расчерченные узорами племенных шрамов, украшенные бусами и перьями всех цветов и оттенков, с продетыми в нос кольцами или палочками.

— Ты заметил, народу в Бэбилоне за последнее время прибыло? И как правило, все они — куки?

— Да, наводнения многих согнали с привычных мест, — кивнул Громила.

— На мэрию уже начинают давить, чтобы та хоть как-то ограничила поток мигрантов из Леса. Конечно, сейчас карнавал, а в это время всегда бывает наплыв разной публики; но на сей раз, по-моему, многие собираются остаться.

— Меня это не беспокоит, — махнул лапой гориллоид. — Биг Бэби переживёт ещё и не такое.

— Ты прав. Ну ладно, вот мы и пришли, — Джихад встала на цыпочки и чмокнула Громилу в нос. — Пока!

Звонко цокая каблучками, девушка скрылась в подъезде. Громила остановился перед газетным киоском, изучая свежую прессу. Рука его уже потянулась в карман шортов за мелочью, как вдруг некое шестое чувство, инстинкт каюкера подсказал ему об опасности. Громила начал было оборачиваться, но в этот миг ему на затылок опустилась массивная бейсбольная бита. Глухо охнув, гориллоид рухнул на четвереньки и уткнулся лицом в мостовую. Тяжелый ботинок пару раз пнул его под рёбра.

— Грязный обезьянец, будешь знать теперь, как лапать наших женщин! — раздался над ним ломающийся голос подростка; затем по тротуару глухо затопали поспешно удаляющиеся шаги.

Когда Громила, охая и осторожно ощупывая наливающуюся на затылке шишку, поднялся на ноги, поборников чистоты человеческой расы уже и след простыл.

Глава 6

— Укуси, ну почему бы тебе не выбрать какое-нибудь другое увлечение, — утомлённо сказал Вхутмас. Комната дочери напоминала некое батальное полотно: многочисленные наряды и головные уборы Доброй феи (розовые и белые, кружева и полевые цветы) явно сдавали позиции под напором чёрной как ночь кожи, усеянной шипами и заклёпками.

— Ах, папа, вы ни-че-гошеньки не понимаете! — глухо пробурчала Укусинда из-под одеяла.

Вхутмас сокрушённо вздохнул и ещё раз обозрел интерьер.

— Надеюсь, ты хорошо поняла меня относительно крыс, — на всякий случай повторил он. — Крысы в этом доме недопустимы. Абсолютно недопустимы. Я готов потакать прочим твоим чудачествам, но...

Со стороны кровати донёсся тяжкий стон. Неодобрительно покачивая головой, Вхутмас прикрыл дверь.

Укусинда высунула из-под одеяла руку и нащупала валяющуюся на полу коробку шоколадных конфет. Она не была вполне уверена, как шоколад сочетается с новым имиджем, однако расстаться с последней любимой привычкой оказалось выше её сил. В остальном Укусинда Вхутмас была образцовой ведьмой: чего стоила хотя бы выкрашенная в лиловый цвет нечёсаная шевелюра, фальшивая ярко-красная бородавка, налепляемая обычно на нос, и полуторакилограммовая связка амулетов на шее.

Бывшая Добрая фея вылезла из-под одеяла и потянулась. Оседлав помело, она первым делом с удовольствием наплевала на многочисленные жизненные принципы Добрых фей вроде соблюдения режима дня и необходимости чистить зубы после еды. В результате утро начиналось для Укусинды где-то за полдень. Встав с постели и съев в качестве лёгкой утренней зарядки ещё парочку шоколадных конфет, она принялась одеваться. Спустя десять минут окно особняка Вхутмасов распахнулось, и Укусинда чёрной кометой взвилась к небесам. Описав в воздухе крутую дугу, ведьма приземлилась за несколько километров от богатых кварталов, на берегу одного из многочисленных каналов. «Ого, как поднялась вода! Ещё немного — и начнёт выплёскиваться на улицы!» — отметила про себя Укусинда. Осторожно ступая среди луж, она пробиралась между низенькими домами, кое-где стоявшими вплотную к мутно-зелёной водной глади. Ароматы в воздухе витали просто убийственные. Сморщив нос, бывшая Добрая фея нагнулась и постучала кулаком в полуподвальное, донельзя замызганное окошко. Треснувшее стекло всё ещё жалобно дребезжало, когда обитатель трущобы выскочил на крыльцо и расплылся в жутковатой улыбке.

Был он неимоверно худ и как-то скособочен.

— Госпожа Укусинда, как я рад вас видеть, вы просто не поверите!

— Да нет, почему же, это очень заметно, Смочехвост, — усмехнулась Укусинда. — Теперь главное, чтобы и я не пожалела о том, что мне пришлось тебя повидать.

Названный Смочехвостом часто-часто заморгал:

— Надеюсь, я смогу вас порадовать. Идёмте же, скорее идёмте!

Внутри обиталище ведьминого знакомца производило гораздо лучшее впечатление, чем снаружи. Истоптанный многими поколениями пол был чисто выметен, окно закрывала ветхая, но опрятная кружевная занавесочка. На застеленном свежими газетами столе посреди комнаты покоился длинный рогожный свёрток. Прикинув его габариты, Укусинда нахмурилась:

— Надеюсь, ты не спятил окончательно и не замочил кого-нибудь, Смочехвост? Предупреждаю — скупкой трупов я не занимаюсь; это всё же немножко слишком.

Адресовав Укусинде ещё одну сумасшедшую улыбку, Смочехвост забегал вокруг стола, разматывая тряпки.

— Вот!!! — радостно пискнул он наконец, сияющими глазами глядя на ведьму.

— Гм... И что же это такое?! — Укусинда, скептически заломив бровь, осматривала товар.

Смущённо улыбаясь, хозяин пожал плечами:

— Вчерашняя гроза вынесла это в канал. Мне повезло — я вышел на промысел ещё затемно, сразу же, как закончился ливень. У нас здесь так, госпожа: хочешь жить — умей вертеться. А это... Оно плавало на поверхности. Хорошо, что я успел!

— Скажи-ка мне вот что, друг любезный: оно живое или нет?

— Живое, я думаю, — неуверенно улыбнулся Смочехвост. — Вон, глаза-то лупают. Оно, конечно, малость заплесневело по краям, но в целом очень даже ничего!

Укусинда на миг задумалась.

— Похоже, это и вправду может меня заинтересовать. Гм... Сколько ты хочешь за него?

Смочехвост назвал цену. Укусинда поморщилась:

— А не слишком ли?

Улыбка Смочехвоста, не изменившись ни на йоту, стала вдруг выглядеть просительно и жалко.

— Ладно, — смилостивилась ведьма. — Так и быть. Пошли, поможешь мне взгромоздить эту тушку на помело.

Подхватив свёрток, они потащили его наружу. Костяной протез гулко стукнулся о дверной косяк.

* * *

Психотерапевт легонько улыбнулся и откинулся на спинку кресла.

— Таким образом, мой юный друг, могу сказать вам с полной уверенностью: ваши опасения беспочвенны. Результаты тестов показывают, что вы абсолютно здоровы; по крайней мере, душевно.

— А насколько можно доверять этим результатам? — спросил Иннот.

Он поднялся с кушетки и с наслаждением потянулся — за время полуторачасового сеанса тело слегка одеревенело.

— Ошибки быть не может, — уверил его доктор. — Более того, мне редко попадаются столь же гармоничные и уравновешенные личности, как вы, Иннот. А что касается ваших снов... Ну, я не стал бы придавать им слишком уж большое значение. Живём-то мы не во сне, верно, хе-хе? Скорее всего, этот, как бы выразиться, сюжет — всего-навсего некая неповторимая особенность вашей натуры, мелкая шалость подсознания. Я не могу сейчас сказать ничего определённого, но вполне возможно, что это подаёт голос некий... Э-э... Скрытый артистизм вашей натуры. Нечто до сих пор подавляемое, своего рода жажда творчества. Ведь сюжет сна потихоньку развивается, не так ли? Когда вы обратились ко мне в первый раз по этому поводу — примерно год назад, верно? — Доктор подался к массивному, на гнутых ножках регендалевому бюро, где у него хранилась картотека.

Иннот в очередной раз мимоходом подумал, как интересно было бы там порыться в отсутствие хозяина.

— Да, именно так. Всё началось около года назад.

— Кстати, в последнее время вы куда-то запропастились. Психоанализ, знаете ли, помогает только при условии регулярного посещения сеансов...

— Да-да, я знаю, — поспешно ответил каюкер. — Но я был вынужден ненадолго уехать из города.

— Какие-то трения с законом? — как бы невзначай обронил доктор.

— Упаси меня предки! — усмехнулся Иннот. — Просто небольшие личные проблемы. Значит, вы считаете, со мной всё нормально?

— Абсолютно нормально, мой дорогой. А что касается ваших снов... Если уж они вас так беспокоят, попробуйте самореализоваться в каком-либо виде творчества. Хотя бы просто в форме игры. Вреда это вам не принесёт никакого. Вы умеете, скажем, рисовать? Или играть на каком-нибудь музыкальном инструменте?

— Рисовать никогда не пробовал, — пожал плечами каюкер. — А что касается музыки — ну, возможно, у меня и в самом деле могло бы что-то получиться. Я обожаю настоящий, живой джанги...

— Вот и замечательно! — обрадовался психотерапевт. — Попробуйте записаться на музыкальные курсы. Помимо всего прочего, это здорово успокаивает нервы. Людям вашей профессии вообще показано что-нибудь такое... Спокойное, медитативное, в качестве хобби... Музыка, вязание, вышивание крестиком...

— Я вижу, док, вы сами никогда джанги не увлекались! — усмехнулся Иннот. — Эту музыку никак не назовешь спокойной! Да и курсов джанги не существует, между прочим. Это как... Не знаю, как что-то в крови. Либо есть, либо нет, и никакие курсы тут не помогут.

— Ну возможно, возможно. Джанги ведь тоже не единственное, что есть в музыке. Не зацикливайтесь!

— Скажите, док, а такое имя — Кумарозо, вам ничего не говорит? — уже в дверях спросил Иннот.

Психотерапевт развёл ладонями.

— Увы! А кто это?

— Так звали одного из моих... «альтер эго» во сне.

— Это может быть какая-то вполне реальная личность, — пожал плечами психотерапевт. — Знаете, как интересно работает иногда наше подсознание: некогда услышанное вдруг всплывает в памяти в самые неожиданные моменты. С другой стороны, слишком уж похоже на слово «кумар», хе-хе! Не злоупотребляйте этим, молодой человек!

— Хо-хо! — подхватил Иннот. — Ладно, док, до следующей встречи!

Всё-таки не стоит слишком уж откровенничать с ним, думал Иннот, спускаясь вниз по лестнице. Ну не может человек, обладающий таким объёмом информации о других людях, не заинтересовать в конце концов соответствующие учреждения. А там умеют подобрать ключик к любому! Не зря же он спросил относительно трений с законом. Во время сеансов каюкер старался обходить стороной моменты, которые могли бы дать реальную информацию о его профессиональной деятельности; так, например, рассказывая о своих странных снах, он ни словом не обмолвился, что «прорыв» случился у него после падения с крыши. И всё же, всё же... Кое-что, безусловно, можно было почерпнуть из этих бесед. «Плохо, — покачал головой Иннот. — Вот оно, слабое звено, на которое мы почему-то не обращаем особого внимания. Мы меняем имена и квартиры, стараемся ограничить круг общения, а тем временем те, кому надо, вполне могут узнать всю нашу подноготную, просто прихватив дока покрепче».

Совет доктора относительно курсов он, конечно, не принял всерьёз, но, проходя мимо магазина музыкальных инструментов, неожиданно завернул в него. Народу почти не было: лишь два высоченных длинноволосых типа вполголоса спорили о преимуществах коженатяжных тамтамов перед долблёными, да в уголке дремал пышноусый старичок-продавец. Иннот прошелся вдоль прилавка, рассматривая блестящие, прихотливо изогнутые хоботы саксофонов и геликонов, строгие тонкие тела флейт, лакированные, женоподобного очертания гитары, чем-то неуловимо похожие на дорогих путан, и скрипки, сбившиеся в стайку, словно девочки-подростки перед школой. Вдруг взгляд его остановился на некоем странном инструменте. Над уставленным тамтамами и барабанами стеллажом висело на потёртом ремне нечто вроде обтянутого тёмной чешуйчатой кожей бубна с недлинным, похожим на гитарный грифом. Нескольких струн на нём, судя по всему, не хватало.

— А, настоящего знатока видно сразу! — продребезжал у него над плечом старческий голос. — Позвольте-ка...

Иннот посторонился, и старичок-продавец, осторожно подцепив инструмент за ремень длинной бамбуковой палкой, ловко снял его с верхотуры.

— Что это за штуковина? — с интересом спросил каюкер.

— А вы разве не знаете? Это банджо, джанги-банджо. Оно здесь давненько пылится, едва ли не с самого открытия! — Старичок вдруг громко чихнул и, пробормотав «проклятая пыль», осторожно положил банджо на прилавок.

— Я думал, джанги — единственная музыка, инструменты для которой каждый музыкант делает себе сам, — заметил Иннот.

— Так-то оно так, — старичок довольно улыбнулся в сивые усы. — Но заметьте, молодой человек, — ни один джанги-бэнд не обходится без некоего подобия струнных и ударных. Вот вы, вы хоть раз слышали джанги без барабанов?

— Нет, — признался Иннот.

— А в банджо ударные слиты воедино со струнными. Если у вас есть такая штука, смело собирайте свою команду. Ещё парочка тамтамов, тарелки, деревянная флейта — и можно зажигать! Берёте?

— Беру! — неожиданно для самого себя ответил каюкер. — Беру, если вы добавите сюда недостающие струны.

— О чём речь, конечно! — И старичок суетливо зашарил под прилавком. — Не возьмусь говорить с уверенностью, но вполне возможно, что этот инструмент принадлежал некогда самому Чаку Геккола! Вы ещё молодой человек и вряд ли слышали это имя, но лет сорок — сорок пять тому назад это был один из лучших исполнителей джанги в Бэби!

Имя Чака Геккола ничего не говорило Инноту. Поэтому каюкер ограничился замечанием:

— Я слышал, что знаменитые музыканты часто подписывали свои инструменты,

— Верно, верно! — оживился продавец. — Но если вы обратили внимание, кожа здесь, — он хлопнул ладонью по корпусу, — натянута совсем новая. Вероятно, старая прохудилась со временем, и её пришлось заменить.

Спустя десять минут Иннот сидел на скамейке в небольшом скверике и настраивал банджо.

— Психотерапевты! — бормотал он, подкручивая колки. — Что они понимают в жизни! Вот откуда я, например, знаю, как обращаться с этой штуковиной? Мелкая шалость подсознания, значит? Ну-ну!

Взяв на пробу несколько аккордов, каюкер вдруг запел на редкость противным голосом:

— Уж расцвели хрензнанте-емы в саду-у...

Проходившие мимо девушки обернулись и захихикали. Подмигнув им, Иннот отложил банджо.

— Хрен-знан-темы, — задумчиво повторил он. — И хрен знан, зачем они там расцвели.

***

— Трудно в это поверить, но газеты в сезон дождей глупеют просто катастрофически. — Громила осторожно потрогал затылок и сморщился.

Шишка была на месте и изрядно побаливала. Афинофоно сочувственно вздохнул и налил себе ещё пива.

— Откуда такие выводы? По-моему, уровень глупости прессы не подвержен сезонным колебаниям, хотя, безусловно, весьма высок.

— Просто мы с тобой читаем разные газеты, старина!

— Да, у тебя страсть к желтоватым изданиям, я заметил.

— Ты имеешь в виду «Пандемониум»? Ну, его-то я покупаю только ради частных объявлений. Но послушай, что пишет, например, «Вечерний Вавилон»: «Мэр Кукумбер намерен дать благотворительный бал...» Нет, это не то. А, вот: «Бройлер из бойлерной». Одно названьице чего стоит, а? «По словам многочисленных очевидцев, прошлой ночью свершилось неслыханное по наглости и вандализму происшествие. На многочисленных гостей, собравшихся в загородный особняк Омайготтов на празднование шестнадцатилетия младшей дочери Огюста Омайготта, юной Колумбиады, было совершено варварское покушение. Как рассказывают пострадавшие, напавшее на них страшилище имело облик гигантской жареной курицы более трёх метров в высоту. Чудовище вырвалось откуда-то из подсобных строений и набросилось на сидевших в саду, опрокидывая столики и зверски избивая оказавшихся поблизости своими конечностями. Среди начавшейся паники...» ну и так далее. Нет, ты только себе представь! Трехметровая жареная курица! Это просто ни в какие ворота не лезет! Там ещё на поллиста подобной бодяги. И в конце — комментарии «видных бормотологов». Куда катится этот мир, хотел бы я знать!

— Ты будешь смеяться, но из-за этого случая весь университет стоит сейчас на ушах, — улыбнулся Афинофоно. — Там действительно произошло что-то крайне необычное, Гро. Омайготт обещал заплатить хорошие деньги любому, кто сможет разобраться в ситуации. Он просто вне себя.

— Угу. Бьюсь об заклад, виноватыми в конце концов окажутся обезьянцы.

— Да ладно тебе...

— Ты уж поверь. Избили кого-то? — конечно, обезьянцы; обнесли квартиру — ну кто же ещё может залезть в форточку? Даже если у тебя во дворе мусорные бачки не вывозят неделями, и тут без них не обошлось.

— То, что там случилось, очень похоже на некое зловредное чародейство.

— Гм... Я, конечно, не специалист, но, на мой непросвещённый взгляд, зловредное чародейство — это всякие там таинственные огни, ожившие мертвецы и всё такое прочее. А жареный бройлер... Ты-то сам что по этому поводу думаешь?

— Ну... — Афинофоно поставил опустевшую кружку на столик и знаком потребовал у кельнера другую, — есть у меня на этот счет одна любопытная теория. Ты в курсе, что за последние полгода население Бэбилона увеличилось почти на десять тысяч, причём в основном за счет обездоленных наводнениями?

— Нет, — удивился Громила. — Правда, куки и вправду последнее время на улицах кишмя кишат. А при чем здесь это?

— При том, всё при том. Знаешь, что такое «коллективное бессознательное»? Я имею в виду не психологический термин, а бормотологический.

— Слышал краем уха. Общее ментальное поле, резонанс воль и прочая чушь.

— Не такая уж и чушь, если вдуматься. Вот представь себе: по улицам бродят тысячи голодных дикарей, привыкших к совершенно иному образу жизни. В городе они впервые, прокормиться им тут очень трудно. А что они видят вокруг? Не просто достаток, а роскошь, вопиющую роскошь! Какой-нибудь куки, для которого пёстрая тряпка и сытный ужин — предел мечтаний, вдруг оказывается на авеню, сплошь занятой дорогими бутиками и ресторанами. Понимаешь, о чём я?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.